

Юнолу
читайла

от
дейской

Тунтинский
Бибмотки.



З.ВОСКРЕСЕНСКАЯ

КОСТРЫ



*Рассказы
о
Владимире
Ильиче
Ленине*

Издательство «Детская литература» Москва 1964

ДОРОГИЕ ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этой книге помещено несколько рассказов писательницы З. И. Воскресенской о Владимире Ильиче Ленине, Рассказы эти относятся к разным периодам жизни Владѣшира Ильича — и к детским его годам, когда он учился в первых классах Симбирской гимназии, и к годам ссылки в далѣком сибирском селе Шушенском, и к тем незабываемым дням, когда он со своими ближайшими соратниками создавал первую общерусскую революционную газету «Искра». В рассказах «Ястребки» и «Мочѣные яблоки» описаны встречи Владимира Ильича с питерскими ребятами-подростками — юными помощниками большевиков в революционной борьбе.

Автор этих рассказов З. И. Воскресенская написала книгу «Сквозь ледяную мглу» — рассказы о В. И. Ленине и Я. К. Крупской в годы первой русской революции, и повесть «Встреча», посвященную матери Владимира Ильича — Марии Александровне Ульяновой.

Юные читатели! Напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Свои отзывы шлите по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки И. Гринштейна



Лучшая отметка

Весело возвращаться домой из гимназии в сентябрьский погожий денёк: пышные сады расцвечены багряными красками, воздух напоён запахом созревающих яблок и горьковатых астр. Дома ждут бра-

тя и сёстры, весёлые игры, прочитанная до самого интересного места книга, «гигантские шаги» во дворе. А вечером вернётся папа, и ему можно будет с гордостью показать свой дневник, в котором красуются крепкие и круглые пятёрки.

По дороге Володя завернул к женской гимназии, подождал, пока выбежит Оля.

— Ну как? — задал он обычный вопрос.

Оля весело помотала головой, отчего её коса, похожая на тугую рыбку, описала в воздухе полукруг.

— Из истории — «двенадцать» и из физики — «Двенадцать», — пропела она тоненьким голоском.

— А у меня из латыни — «пять», — сказал Володя.

«Пять» — это высшая отметка в мужской гимназии, а «двенадцать» — в женской.

Схватившись за руки, брат и сестра, цокая башмаками по деревянному тротуару, помчались вниз по Покровской улице.

— Ты знаешь, как я волновалась за физику? — вдруг остановилась Оля. — Сижу за партой и ничегошеньки не помню, а когда учительница вызвала к доске, в голове всё пришло в порядок. Ух, как я рада, что не срезалась!

— Ты же вчера свою физику при луне повторяла, — засмеялся Володя. — Я вылез на балкон и видел, как ты пальцем на стекле формулы выводила.

Володя по-хорошему завидовал сестре, её усидчивости и терпению. Вот кто умел упорно трудиться!

— Нас кто-то ждёт у калитки, — сказала Оля.

Володя прищурил левый глаз:

— Да, какой-то парнишка.

Подошли ближе. У изгороди стоял мальчик лет двенадцати, ровесник Володе. Видно было, что он пришёл издалека: лапти на ногах совершенно разбиты, длинный кафтан покрыт пылью, за спиной болтается мешок.

— Ты к нам? — спросил Володя.

— Як главному учителю Ульянову. Люди сказали, что он живёт здесь.

— Здесь, здесь, — живо подтвердил Володя. — Это наш папа. Почему же ты не входишь?

— Боязно. Мой отец страшал, что в Симбирске в каждом дворе злая собака.

— У нас никакой собаки нет. Заходи, заходи. — Володя распахнул калитку; Оля прошмыгнула первой и побежала вперёд. — Только папу тебе придётся ждать: он вернётся вечером. Зачем он тебе? — полюбопытствовал Володя.

— В школу мне надо. Учиться.

— Как зовут тебя?

— Иваном.

— Меня зовут Володя, сестру — Оля. Будем знакомы.

— Твой отец сердитый? — спросил Ваня и замедлил шаг.

— Увидишь сам.

Мама с Олей накрывали на стол в беседке, а Во-

лодя с Ваней пошли мыться в сарай. Натаскали из кадушки воды, нагретой солнцем. Ваня с любопытством смотрел, как Володя мылил себе голову и как у него под пальцами вырастала снежная шапка. И Ваня захотел такую же шапку. Он никогда не видел мыла и не знал его волшебных свойств. Володя фыркал — и Ваня фыркал. Володя обливался из ведра — и Ваня обливался. А потом, вымытый, чистый, деловито рассматривал себя в Володиных холщовых брюках и в серой рубашке.

За обедом мама подкладывала Ване самые большие куски. Ваня уплетал за обе щеки и рассказывал, что он давно, ещё с весны, решил учиться. А отец не пускал в школу: незачем, говорит, бурлаку учиться. Бурлак бедный, ему ничего не надо знать: если будет много знать, не влюбит свою жизнь. Отец у Вани бурлак, и дед был бурлаком, а Ваня хочет стать учителем. Люди сказали, что занятия в школе начнутся осенью, когда пожелтеют листья. Вот Ваня и ждал, пока берёза под окном позолотит свои листочки. Ночью он тайком ушёл из дому. Ушёл искать школу. Много деревень прошёл — нигде нет школы. Люди сказали, что в Симбирск надо идти, к главному учителю Ульянову — он поможет...

Володя внимательно слушал, подавшись вперёд, ссутулив плечи, сдвинув брови, и только тихонько произносил: «Гм... гм... да... да...»

После обеда Володя с Олей повели Ваню к себе наверх, показали ему книжки с картинками.

— Вот так библия!—воскликнул Ваня, разглядывая книжку,

— Какая библия? — удивился Володя. — Это «Хижина дяди Тома», Самая лучшая книжка на свете.

— Нет, библия, — настаивал Ваня. — Я сам видел такую штуку в церкви, только ещё красивее.

Брат с сестрой переглянулись. Они поняли, что мальчик никогда не держал в руках книги.

Володя был потрясён. Он — ровесник Ване и успел прочитать много-много книг, а этот чудесный мир закрыт для мальчика.

Ваня вертел в руках книгу, перелистывал её, как слепой, ощупывал пальцами строчки, и глаза его оживлялись, когда он встречал картинку,

— Хочешь, почитаю? — предложила Оля.

— Почитай. Покажи, как ты это делаешь.

Ваня слушал и следил за Олиным пальцем. Палец двигался по строчкам-бороздкам, и все бороздки были одинаковые, и каждая страница похожа на аккуратно вспаханное поле. Как же эта девочка высматривает в этих бороздках такие интересные истории и почему, как ни пялит глаза Ваня, он сам ничего этого не видит?

Володя сидел рядом, старался углубиться в латынь. И не мог. Его подавляло смутное чувство недовольства собою, какое-то сознание вины перед Ваней. Отец часто рассказывал детям об ужасающей нищете и бесправии в деревне. А теперь Володя сам

услышал это от мальчика. Чем порадовать Ваню? Подарить ему свою любимую книгу? Но Ваня не умеет читать. Отдать свои сокровища — коллекцию пёрышек? Но он не умеет писать. Выпросить у Саши для Вани календарь?.. Нет, не то, не то...

Вечером приехал Илья Николаевич. Он был на открытии двух новых сельских школ, вернулся в отличном настроении, и ему не терпелось поделиться своей радостью с Марией Александровной.

— Папочка!.. — начал было Володя, но отец уже всё знал от мамы.

— Мы поговорим с молодым человеком, а ты иди к себе.

Володя и Оля уселись на сундуке в передней и с нетерпением ждали решения отца.

Ваня вышел из кабинета счастливый. Он ничего не говорил, только смеялся. Смеялись его глаза, губы и даже кончик сморщенного носа.

Володя побежал к отцу:

— Папочка, как хорошо, что ты определил Ваню в школу! Он такой счастливый.

— Нет, — ответил Илья Николаевич, — он опоздал, и ребята в занятиях ушли далеко вперёд.

— Но он опоздал не по своей вине. Ему сказали, что занятия в школе начинаются, когда пожелтеют листья на деревьях. Вот он и ждал, а потом искал школу. Он шёл до Симбирска две ночи и два дня. Разве можно, чтобы он вернулся домой ни с чем? —

Перед глазами Володи стояло улыбающееся лицо Вани. — Папочка, разве ты не хочешь, чтобы он учился?

— Ты сам понимаешь, что нельзя задерживать целый класс из-за одного ученика. — Илья Николаевич внимательно смотрел на сына.

Володя вдруг весь вспыхнул, зарделись щёки, заискрились глаза. Он подошёл ближе к отцу.

— Он догонит, папочка. Мы поможем ему — я и Оля. Я даю тебе слово.

Складка на лбу Ильи Николаевича разгладилась, густые брови вскинулись вверх, губы дрогнули в улыбке.

— Вот именно этого я и ждал от тебя. Я буду просить, чтобы Ваню приняли в школу.

Володя порывисто обнял отца и помчался наверх...

Над садом висел серп луны, по небу плыли облака, оставляя за собой рассыпанные звёзды. Огромные вязы в саду причудливо изогнутыми ветвями, казалось, подпирали небо.

Володя стоял на балконе, вцепившись руками в перила.

На балкон выбралась Оля.

— Я показала папе свой дневник. Он посмотрел на «двенадцать» по физике и сказал: «Это ещё не самая лучшая твоя отметка». А какая же может быть лучше, Володя? — Оля заглянула в лицо брату.

Володя молчал.

— О чём ты думаешь?

— О Ване... Ты слышишь? — Володя указал рукой вниз.

Через двор по дорожке, посыпанной лунным светом, шли папа, мама и старшие — Аня и Саша. Илья Николаевич смеялся особенно задущебно, и, как маленький колокольчик, звенел голос мамы.

— Ты слышишь?—повторил Володя.—Папа рассказывает про Ваню и радуется, словно открыл новую школу. Я хочу тоже так уметь радоваться.

Володя схватил Олю за руку.

— Я знаю, знаю, что такое лучшая отметка! — Оля посмотрела на брата, на его сияющее лицо.— Лучшая наша с тобой отметка будет первая пятёрка Вани. Правда?

Володя спрыгнул с перил и заглянул в окно. Ваня спал, крепко ухватив обеими руками «Хижину дяди Тома», которую Володя получил в подарок за успехи в учении.





Кольца дружбы

Наступил май. Чёрные пашни вокруг села Шушенского покрылись нежной зеленью. Редкий, наполовину вырубленный лесок прихорошился. Дороги подсохли.

Оскар сидел на завалинке и с угрюмым видом наблюдал, как быстро мелькают спицы в руках старой хозяйки.

— Что, недужится, сынок? — спросила женщина.

Оскар ничего не ответил. Да и что было отвечать? Он сам не знает, что с ним. Недавно Владимир Ильич целый час его расспрашивал: где болит, как болит? Оскар толком объяснить не мог. Пропали силы — и всё, и это в двадцать два года! С руками беда, мешают. Ляжет спать — рука под боком как камень, идёт — руки по сторонам болтаются, сядет — не знает, куда их деть.

— Большая помеха для человека руки, — жаловался Оскар.

А Владимир Ильич смеётся:

— Вылечим вас, Оскар Александрович, непременно вылечим.

Удивительный он человек, Владимир Ильич. Всегда весел, и ссылка ему нипочём. Работает много, пишет, а успевает и на охоту сходить, и какие-то мудрёные шахматные задачи решать. Вечерами Оскара просвещает: читает с ним политические книги.

Мимо пробежал соседский парнишка Лёнька с холщовой школьной сумкой через плечо. Взметнул босыми ногами облако пыли.

Выл Оскар чуть побольше Лёньки, когда отец — финский рабочий — повёл его отдавать в люди. Остановились на Невском у витрины. За зеркальным

стеклом на лиловом бархате рассыпаны несметные сокровища: тонкие золотые цепочки с подвесками, тяжёлые браслеты, кольца и брошки с крохотными букетами из драгоценных камней. Были похожи те камни то на капли мёда, то на утреннюю росу... «Вот и ты такие штучки будешь делать, — сказал отец, — я определил тебя к золотых дел мастеру». Мальчик даже зажмурился от радости. Он представил себе, как будет сидеть в бархатном стуле в бархатном колпаке и каким-то необыкновенным шильцем мастерить эти сказочные вещи.

Первое, с чем познакомился Оскар, был ригель-длинный стальной палец, на котором правят кольца. Сколько шишек на голове Оскара насажал этим ригелем мастер Тайфер — не сосчитать. Тайфер никогда не называл его по имени, окликал презрительно: «Эй ты, чухна!»

Четыре года присматривал Оскар за хозяйскими детьми, бегал за ситным, за водкой, урывками обучался ювелирному мастерству, а в шестнадцать лет распрощался с хозяином и нанялся на Путиловский завод.

Был ювелиром, стал токарем. Был просто учеником, которого всякий обидеть мог, стал смелым революционером. Хлипкий парнишка выровнялся в ладного питерского мастерового. О крепости его кулаков мог рассказать провокатор, которого разоблачили на заводе. Из-за этого провокатора и угодил Оскар в ссылку на три года.

...Оскар поднялся с завалинки и пошёл в избу, к себе в комнату. Лежал, закинув руки за голову: не то дремал, не то о чём-то думая*

Очнулся от тележного скрипа и ребячьего гомона. Подошёл к окну* Напротив, у дома Зыряновых, оставилась телега. На ней сидели две женщины в городских платьях, в шлячках. Орава ребятшек облепила телегу, и Лёнька был среди них.

— Да ведь это невеста Владимира Ильича приехала! — ахнул Оскар, выбежал из избы и в три прыжка перемахнул через улицу,

— Вы Надежда Константиновна? Здравствуйте! — приветствовал Оскар девушку с тонкой талией, в серенькой блузке.

Девушка посмотрела на него смелыми светло-серыми глазами, и её пухлые губы тронула весёлая усмешка.

— А вы, наверное, и есть болящий Оскар Александрович? Что-то не похожи на больного! Здравствуйте! — Она протянула ему руку. — Познакомьтесь с моей мамой Елизаветой Васильевной. А почему Владимир Ильич нас не встречает? Он не болен?

— Они на охоту ушли, — разгребая пыль ногой, доложил Лёнька.

Мальчишки хором подтвердили.

— Владимир Ильич очень вас ждал, волновался, каждый день из лесу цветы приносил, а вот сегодня, как нарочно, уехал на охоту, — попытался смягчить огорчительную весть Оскар,

— Что же нам делать? — улыбнулась Надежда Константиновна. — Неужели уезжать обратно?

— Никак нельзя, — решительно возразил Лёнька, — они к вечеру вернутся.

Оскар с мальчишками помог женщинам перетащить вещи в дом и ушёл к себе.

А вечером Лёнька постучал в окно и сказал, что его зовёт Владимир Ильич. Оскар стал приводить себя в парадный вид.

В доме Зыряновых было шумно, весело. Сияющий Владимир Ильич помогал Надежде Константиновне расставлять на столе чашки и упрашивал её поскорее выдать подарки, а главное — не таить книги.

— Ну уж нет, — отрицательно качала головой Надежда Константиновна. Она пыталась выглядеть сердитой, но глаза у неё смеялись. — За такую встречу подарки отменяются. Подарки получают только Лёня и Оскар Александрович: они нас хорошо встретили. — И Надежда Константиновна протянула Лёньке новую книжку в блестящем переплёте с яркими картинками. — А вот лекарство от вашей болезни, — показала она Оскару на плетёную корзину.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилюли, — подтвердил Владимир Ильич.

Оскар нерешительно подошёл к корзине, присел на корточки и стал её распаковывать. Развязал верёвки, поднял крышку. Видит — корзина наполнена какими-то свёртками в синей промасленной бумаге.

Развернул один — и глазам не поверил: шперак — маленькая наковальня для ювелирных работ. Развернул другой, третий, четвёртый — полный набор ювелирных инструментов, и на самом дне — ригель.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич. — Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке, — возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи вёрст везли такую тяжёлую корзину. Одних пересадок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты, — сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу, — я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего было, а вот ювелирной работы в здешней церкви много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок, — сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

Утром Оскар прибрал свою комнату, как к большому празднику: вымыл пол, выскоблил стол, постелил на нём кусок чистой холстины и разложил свои сокровища.

Он уже знал, с чего начать.

Вынул из кармана пятак, посмотрел на него: двуглавый орёл. Сразу вспомнил — полицейская кокарда, герб Российской империи. Правой лапой орёл сжимал скипетр, напомнивший Оскару ригель в руке мастера Тайфера.

Положил пятак на наковальню и со злостью хватил по нему молотком. Монета расплющилась. Оскар сбил монету в бесформенный комок красной меди и зажёл паяльную лампу. Скоро металл в лунке из угля расплавился и задрожал, как ртуть. Оскар вылил его в форму, сунул в ведро с водой и забыл обо всём на свете... Он пилил, шлифовал, правил на ригеле маленькое медное колечко, заблестевшее красным золотом. В полдень хозяйка пришла звать Оскара обедать, но он только рукой махнул. Некогда! Теперь у него была работа. Он глянул на свои руки. Жилы на них чуть-чуть вздулись, но руки стали лёгкие, живые и совсем не лишние. Растопырил пальцы и сжал их, растопырил и снова сжал. Весело!

Он работал, напевая какую-то финскую песенку. К вечеру сделал и второе кольцо. Вычертил замысловатый орнамент на листочке бумаги и оклеил им спичечную коробку.

По утренней росе побежал на берег Шуши. В то майское утро там цвели ландыши, одуванчики, курслеп. Оскар набрал цветов и связал их ниткой. Вынул колечко из коробки. Солнце так и село на нём бриллиантовой каплей. Никогда он не видел кольца чудесней.

Оскар медленно пошёл к дому Зыряновых. Потом не вытерпел, сорвал с головы картуз и побежал. Ему хотелось поскорее отнести свой подарок Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Сибирский ветер разносил по степи слова придуманной Оскаром песни о чистых озёрах, душистых лесах и о самом большом счастье для человека — иметь хороших друзей.

Эти кольца хранятся в Центральном музее Владимира Ильича Ленина. От времени кольца потемнели, но они по-прежнему прекрасны. Потому что сделаны по велению сердца, руками, стосковавшимися по работе. Это дар человеческой любви. Это кольца дружбы.





Костры

Дождь лил не переставая третий день. Цветы на клумбах полегли, в лужах плавали мелкие зелёные яблоки, сбитые ветром. Примолкли птицы. Река вздулась от дождей и плескалась у самой изгороди.

Ненастье и тревога полонили маленький бревенчатый домик. А ещё недавно стояли жаркие июньские дни и в доме было светло и празднично. Семья Ульяновых ждала дорогого гостя — Владимира Ильича.

Мария Александровна сняла этот жёлтый домик в живописном месте Подмосковья — на берегу реки Пахры. Три окна смотрят на дорогу. Позади дома небольшой фруктовый сад, у крыльца развесистые ивы. В углу сада беседка, и перед ней крокетная площадка. «Всё здесь напомнит Володе детство», — думала Мария Александровна. И комнату Владимиру Ильичу приготовили в мезонине. Она такая же крохотная, какой была его комната в Симбирске.

Для себя Мария Александровна облюбовала комнату окном на дорогу, на переднем крае, чтобы видеть, когда дети возвращаются домой, и хоть на несколько минут сократить ожидание, и чтобы ночью первой услышать хруст гравия под тяжёлыми полицейскими сапогами и первой встретить опасность.

Ещё десять дней назад матери казалось, что беды миновали, все дети на свободе, Владимир Ильич вернулся из трёхлетней сибирской ссылки. Полиция запретила Ленину жить в промышленных центрах, и он поселился в Пскове, чтобы быть ближе к революционному Питеру. Из старинного русского города стал протягивать во все концы России нити связей с рабочими кружками, с революционерами, готовил создание партии рабочего класса.

В конце мая обещал приехать погостить в Подольск. Но вот пришла тревожная весть: Владимир Ильич снова арестован в Петербурге, уже вторую неделю сидит в тюрьме. Мария Александровна не вынесла нового испытания — слегла. Оттого пасмурно и неуютно стал в маленьком доме и так беспокойно у всех на сердце. Даже собака Фридка приуныла, лежит у ног Дмитрия Ильича, вздрагивает чутким ухом, посматривает умным глазом на хозяина, понимает, что не до неё теперь.

В комнате у Марии Александровны врач.

Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич сидят в столовой, ждут, что скажет доктор, вполголоса обсуждают, как выручить брата из тюрьмы. Дмитрий Ильич перелистывает медицинский учебник — ищет способ помочь маме справиться с болезнью. Арест Владимира Ильича — огромная беда для всех, крушение планов по созданию революционной партии. Но сёстры и брат ничем помочь не могут: Мария Ильинична и Дмитрий Ильич сами недавно освободились из тюрьмы, Анна Ильинична и её муж Марк Тимофеевич находятся под наблюдением полиции...

За окном шумит дождь, по стёклам хрустальными спиралями стекают струи, листья мокрыми ладошками стучат в окна, квохчет курица под крыльцом — уговаривает глупых цыплят посидеть спокойно под тёплым крылом, подождать, пока кончится несносный дождь.

Доктор Левицкий вышел из комнаты Марии Александровны. Все трое поднялись ему навстречу.

— Что вы находите, Вячеслав Александрович? — обеспокоенно спросила Анна Ильинична. — Какое лечение?

— Ничего страшного, ничего страшного. А лечение — свежий воздух, прогулки и волнения только радостные.

— Но у мамочки больное сердце, ей столько пришлось пережить, — говорит Мария Ильинична.

— И шестьдесят пять лет дают о себе знать, — добавляет Дмитрий Ильич.

Доктор пощипал бородку, внимательно посмотрел на книгу, которую Дмитрий Ильич держал в руках.

— Дорогой коллега, — сказал он, — сердце матери ещё ни в одном медицинском учебнике не описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости для него самое лучшее лекарство... Да-с. Я разрешил вашей матушке вставать. Завтра снова наведуась. Честь имею кланяться!

Дмитрий Ильич пошёл проводить доктора. Левицкий был его большим другом. Когда Дмитрий Ильич приехал в Подольск отбывать свою ссылку, никто не хотел брать на работу крамольного студента, исключённого за революционную деятельность из университета. А Левицкий согласился взять его к себе помощником и сам потянулся всем сердцем к семье Ульяновых.

Сестры направились в комнату матери, но она сама шла им навстречу — одетая, причёсанная.

— Мамочка! Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — ответила Мария Александровна. Она старалась держаться бодро, только чуть вздрагивала её седая голова. — И сегодня я еду в Петербург.

— Но ты же больна. Нельзя тебе! — воскликнули с отчаянием сестры.

— Не могу я бездеятельно сидеть и ждать. Может быть, мне и удастся облегчить участь Володи. Подам прошение в жандармское управление... Митенька, — обратилась она к сыну, — сходи, пожалуйста, на станцию, купи мне билет третьего класса до Петербурга. Да оденься получше, главное — не промочи ноги. Такой унылый, нескончаемый дождь.

Все трое понимали, что отговаривать маму от поездки бесполезно; они пытались только убедить её ехать во втором классе.

— Нет, нет, — возражала Мария Александровна, — деньги надо беречь. Может быть, Володе потребуется адвокат. Анечка, приведи в порядок моё визитное платье, а мы с Маняшей соберём саквояж.

Дмитрий Ильич надел плащ, прицепил поводок к ошейнику Фридки и отправился на вокзал. Анна Ильинична вынула из гардероба чёрное платье и стала прилаживать к нему свежий воротничок.

«Славный мамочкин боевой мундир», — подумала она с нежностью.

Не для праздных визитов было сшито это платье, а для посещений приёмных жандармских управлений, генерал-губернаторов. Каждый раз, когда с кем-нибудь из детей случалась беда, мать вступала в тяжёлую, упорную и терпеливую борьбу. Только платье знает, как тревожно билось сердце, а затем и вовсе замирало, слыша жестокое, холодное: «В вашей просьбе отказано».

Сколько раз бросали матери упрёк, раня её в самое сердце: «Ваш старший сын повешен». Но она никогда не складывала рук, не приходила в отчаяние, а, сжав тонкими пальцами перо, вновь и вновь писала прошения, писала так, как принято было писать: «Милостивый государь! Честь имею покорнейше просить...» Сколько таких прошений хранится в архивах жандармских управлений! Сколько раз, придя домой из присутствия, мать на пороге дома засовывала взмокший от слёз платок в глубокий карман платья...

Шумит за окном дождь. Квохчет под крыльцом курица. Стучатся мокрыми ладошками листья в окно.

В равномерный унылый шум врывается звон колокольчика в передней, и в комнатах словно закружился весёлый летний ураган.

— Мамочка! Володя приехал! Мамочка!

— Володюшка! Володюшка!—спешит мать навстречу сыну. — Здоров? Свободен?

— Архиздоров, совершенно свободен и счастлив безмерно. — Владимир Ильич скинул мокрое пальто и обнял мать.

— По дороге на станцию встретил! — кричит восторженно Дмитрий Ильич. — Вижу, кто-то спешит по дороге, шагает, не разбирая луж. Кто это может так спешить в нашем Подольске? Пригляделся — Володя!

— Володенька, братик, скажи, что я не сплю и что всё это на самом деле, — теребит брата Мария Ильинична.

— Анечка, убери скорей моё визитное платье, — просит Мария Александровна и добавляет шёпотом: — Не говори Володе о моём недомогании.

— С превеликим удовольствием, мамочка! — Анна Ильинична водворяет платье на место. Плотноплотнo закрывает шкаф, словно опасаясь, что оно может снова вторгнуться в их счастливую жизнь.

— Дай-ка я тебя ещё раз поцелую, — обнимает она брата.

Сестры собирают на стол, Дмитрий Ильич раздувает самовар; Фридка, высунув розовый язык, носится по комнатам, ластится к новому другу, трётся мохнатой круглой головой о его бок, словно понимает, что тот был в большой опасности. Фридка сторожит дом и не даст в обиду своего хозяина и его друзей. Она умеет помочь путешественнику, попавшему под снежный обвал в горах. В метель и стужу с сумкой красного креста на шее она бесстрашно проби-

рается по кручам над бездной, сильными лапами откапывает пострадавшего, Часто рискует жизнью, чтобы защитить своего друга — человека,

— Ладно, ладно, — гладит Владимир Ильич по голове Фридку, — иди на место, дай знать, если сюда жандармы вздумают припожаловать.

И Фридка словно понимает, идёт в переднюю, ложится у порога, поднимает настороженное ухо.

Радость, смех снова вернулись в маленький дом.

Владимир Ильич бережно усадил Марию Александровну на диван и сел рядом с ней.

— До чего же хорошо дома, просто прелесть! Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду.

— Здесь даже в ненастье уютно, — уверяет счастливая мать, — посмотри, какой светлый дождь...

— Ну, расскажи, Володёк, как ты попался и как тебе удалось выбраться, — просит Анна Ильинична.

Мария Александровна садится к самовару, разливает чай.

— Приехал в Питер и... подцепил хвоста, — смеётся Владимир Ильич. — Когда жандармы меня схватили, первой мыслью было: как бы освободить карманы... Но куда там! Два дюжих фараона закрутили мне руки назад, а третий зорко следил, чтобы я что-нибудь не сжевал. А в карманах у меня просто сейф: две тысячи рублей — получил на газету, большое письмо Плеханову с подробным планом организации газеты, зашифрованные записи явок, адреса конспиративных квартир.

— Умереть можно от страха, — поёживается Мария Ильинична,

— Но, — поднимает палец Владимир Ильич, — всё это было записано молоком, лимонной кислотой п разной прочей снедью, записано между строчек на разных счетах и квитанциях. Сижу в камере и раздумываю, догадаются жандармы все эти счета утюгом прогладить или нет*

— Уверен, что не догадались! — воскликнул Дмитрий Ильич. — Когда меня арестовали, у меня в кармане был список членов кружка на заводе Гужона. Молоком записал, а проявить они не догадались.

Владимир Ильич серьёзно посмотрел на брата:

— Учти, что жандармы будут умнеть вместе с ростом нашей организации. Надеяться на их тупость — легкомысленно, и нам надо подумать о совершенстве пашей конспирации.

— Ну, а потом что было? — нетерпеливо спрашивает Мария Ильинична.

— Через десять дней меня вызвали и строго предупредили о том, что в Петербург и ещё в другие шестьдесят городов мне въезд запрещён и чтобы из Пскова я никуда не выезжал. Вернули мне в целости и сохранности все бумажки, счета и деньги. Я просто глазам своим не поверил. «Вот олухи царя небесного», — подумал я и тут же вежливо попросил разрешения поехать к вам в гости.

Одного Владимира Ильича не пустили. Приставили чиновника охранного отделения, который при-

вёз его в Подольск и сдал местному полицейскому исправнику.

Здесь ждало новое испытание. Исправник потребовал заграничный паспорт Владимира Ильича, повертел его в руках и неожиданно сунул к себе в стол. «Нечего вам по заграницам ездить, — сказал он, — паспорт останется у меня».

— Вот тут я страшно разозлился, — продолжает Владимир Ильич. — Я понял, что этот старый плут и мошенник запер в свой мерзкий стол все наши планы по созданию газеты. Возмущённый донельзя, я крикнул: «Буду жаловаться на ваши незаконные действия начальству!». Крикнул так свирепо и угрожающе, что перепугал старикашку. Он живо отпер стол и, видя, что я собираюсь уходить, стал просить меня забрать паспорт и никому не жаловаться.

Последние слова Владимир Ильич произнёс сквозь смех и, откинувшись на спинку дивана, смеялся взахлёб, до слёз.

Ему вторил звонкий смех Марии Ильиничны.

— Ты получил заграничный паспорт? — спросила Мария Александровна, стараясь не выдать своего огорчения.

— Да, мамочка! Я должен ехать в Германию. — Владимир Ильич встал и, по привычке конспиратора, накинул на двери крючок, плотнее закрыл окно и тихо продолжал: — Мы задумали большое дело — решили издавать газету.

Владимир Ильич с увлечением стал рассказывать о своих сокровенных планах. Рабочие поднимаются на борьбу. Нужен главный штаб, который бы направлял борьбу за свободу против царизма. Нужна общерусская газета, которая объяснит миллионам рабочих и крестьян их задачи, выработает единую программу действий. Ещё в ссылке он со своими единомышленниками продумал план создания газеты. Издавать в России её нельзя из-за полицейских преследований. Поэтому решено печатать её за границей. Тайными путями газета будет доставляться в Россию и здесь через верных людей распространяться среди рабочих.

Владимир Ильич успел уже побывать в Риге, Смоленске, Петербурге, Москве и везде создал опорные пункты для газеты, условился с товарищами о способах связи, пересылке корреспонденции.

— Как решили назвать газету? — спрашивает Анна Ильинична.

— «Искра». «Из искры возгорится пламя». Помните?

— Да, да, — говорит Мария Ильинична, — это из ответа декабристов Пушкину.

Мария Александровна слушает детей и понимает, что задумано важное дело.

— В добрый час! В добрый час! — шепчет она.

— И, кстати, я покушаюсь на тебя, Анюта, — говорит Владимир Ильич. — Тебе придётся ехать вслед за мной в Германию, помочь в организации газеты.

Кончится срок ссылки у Надюши, и она приедет к нам,

— Вот когда Анины литературные таланты пригодятся,—замечает Мария Александровна.

Анна Ильинична даже вспыхнула от радости. Она всегда рвалась к литературной работе, писала рассказы для детей, переводила с итальянского, английского, немецкого языков. А теперь такое важное и почётное дело — издавать газету для рабочих.

— Вот бы съездить на Волгу — в Самару, в Нижний, по пути завернуть в Сызрань, затем проехаться к Надюше.

— Соскучился? — сочувственно спросила мать,

— Очень! — искренне вырвалось у Владимира Ильича. — Это первая наша разлука. И связи Надюша там успела завести среди революционеров. Очень хотелось бы с ними встретиться. Разложить везде костры. Рабочие рвутся к борьбе. Горючего в России становится всё больше. Вот «Искра» и должна будет их зажечь.

— А если тебе попросить разрешения у полиции? — спросила Мария Александровна.

— Уже просил, и не единожды. Наотрез отказали.

— Пойдём, я покажу тебе твою комнату, — предложила Мария Александровна.

По скрипучим ступенькам поднялись наверх.

— Как в Симбирске!—воскликнул Владимир Ильич, поднял руку и коснулся пальцами потолка.

Налево у стены железная кровать, покрытая клетчатым пледом, направо окно и дверь на балкон. У окна небольшой письменный стол и лампа под зелёным абажуром, и на этажерке любимые книги: Чернышевский, Добролюбов, Лермонтов, Пушкин.

— Отдохну здесь влать, — говорит Владимир Ильич, — и поработаю отлично. Я вызвал сюда товарищей, надо с ними посоветоваться. А пока они приедут, я буду проводить всё время вместе с тобой, — сказал он задушевно.

Владимир Ильич вышел на балкон. Дождь перестал. Из сада потянуло запахом цветов. Птицы, обрадовавшись солнцу, запели на все голоса.

— Пойдём, мамочка, посмотрим сад, — предложил Владимир Ильич. — Только надень пальто и, главное, галоши, чтобы, как ты нас учила, не промочить ноги.

Мария Александровна взглянула на сына сияющими глазами:

— Знаешь, Володюшка, я, кажется, придумала, как тебе поехать к Надюше и по твоим кострам на Волге.

— Мамочка!

— Да, да. Я должна познакомиться со своей невесткой, — продолжала Мария Александровна, и лучики-морщинки разбежались вокруг глаз.

— С Надей? — удивился Владимир Ильич. — Ты же с ней знакома!

— Но охранке об этом неизвестно. Женился ты в ссылке, домой жену не довёз.

— Полиция не разрешила: ещё полгода ей отбывать свою ссылку.

— Так вот, я должна познакомиться с твоей женой. Это моё материнское право, и отказать мне в этом не могут. Я поеду, в Петербург и буду просить разрешения.

— Ты можешь сделать это без всякого разрешения.

— Не могу же я ехать одна. Мне шестьдесят пять лет. У меня больное сердце... На самом деле оно у меня совершенно здоровое, — поспешила добавить она. — Представить матери свою жену должен сын. Ты, Володюшка! Завтра же я поеду в Петербург.

Владимир Ильич молча обнял мать.

По лесенке поднималась Анна Ильинична.

— Ну, как тебе здесь нравится, Володёк? Наконец-то мамочка дождалась тебя.

Владимир Ильич только развёл руками. Вид у него был радостный и чем-то смущённый.

— Анечка, — ласково сказала Мария Александровна, — завтра я еду в Петербург. Придётся опять вынуть моё визитное платье, и пусть Митя ходит на станцию. Теперь я могу ехать вторым классом...

Утром пришёл доктор Левицкий.

— Я нашёл вашу матушку в отличном состоянии, — сказал он Дмитрию Ильичу.

— Вы правы, дорогой Вячеслав Александрович, хорошая доза радости оказалась наилучшим лекарством для мамочки.

Дмитрий Ильич пригласил доктора в сад.

— Я познакомлю вас со своим братом.

Левицкий слышал о Владимире Ильиче как о революционере и учёном и ожидал встретить пожилого человека в очках и с тросточкой, чинно гуляющего по дорожкам сада. Он был очень удивлён, увидев коренастого молодого человека с крокетным молотком на плече. Владимир Ильич, прищурив левый глаз, с живым интересом следил, удастся ли Маняше прогнать свой шар сквозь двойные ворота.

— Ловко! Молодец! — с восторгом воскликнул он.

Переложив на левое плечо молоток, он дружески протянул Левицкому руку и тут же пригласил его принять участие в игре. Владимир Ильич бросал на доктора быстрые, острые взгляды. Вячеслав Александрович был года на два моложе, высокого роста; густая каштановая борода и мягкая шевелюра обрамляли красивое лицо с правильными чертами. Глубоко сидящие серые глаза говорили об уме и твёрдости характера, и вместе с тем во всём облике доктора было что-то по-юношески чистое, доброе.

Дмитрий Ильич видел, что брат и доктор понравились друг другу,

День был воскресный, и Владимир Ильич предложил доктору покататься на лодке.

Вячеслав Александрович чувствовал себя удивительно легко с этим человеком. Перед ним предстала новая сверкающая грань семейного монолита Ульяновых. Ему очень нравились эти люди с широкими интересами, высокой культурой, весёлые и общительные, и он понял, что теперь вся его жизнь будет связана с этой семьёй.

Владимир Ильич сел за вёсла, лёгкими взмахами вёл лодку вниз по Пахре и подробно расспрашивал доктора, почему это в Подольском уезде такая высокая смертность среди детей и большой процент забракованных по болезни новобранцев.

— Виноваты в этом, Владимир Ильич, знаменитые фетровые подольские шляпы.

Владимир Ильич вскинул брови.

• — Как это понимать?

— Я изучаю сейчас физическое развитие населения Подольского уезда, — объяснил Левицкий, — и установил, что здоровье населения подтачивается постоянным ртутным отравлением. Местные фабриканты при обработке кроличьего пуха, из которого выделываются шляпы, применяют ртуть. Производство каждой шляпы уносит здоровье одного человека. Я протестую против такого варварского способа, но фабрикант остаётся фабрикантом. Раз это приносит ему прибыль, ему наплевать на здоровье рабочих.

— Совершенно верно, — ответил Владимир Ильич. — Что же вы думаете делать дальше?

— Я прочитал в одном французском журнале, что во Франции нашли способ беззрутного производства шляп. Там вместо ртути применяют едкий калий.

— Знают ли сами рабочие, что они систематически отравляются?

— Я объясняю это не только фабрикантам, кустарям. Но не могут же рабочие бросить работу и умирать с голоду.

— И многим рабочим вы это объяснили?

— Десяткам, многим десяткам.

— А об этом должны знать пролетарии всей России. Так же как и подольские рабочие должны знать об ужасающей эксплуатации в шахтах на Дону, на текстильных фабриках в Иваново-Вознесенске, на Ленских золотых приисках,

— Но как это сделать?

— Надо об этом оповещать всех рабочих через газету и, мало этого, научить их организованно бороться с фабрикантами, показать им путь и способы к освобождению.

Вячеслав Александрович невесело усмехнулся:

— Какая же газета напечатает такое?

— Я знаю такую газету, — твёрдо сказал Владимир Ильич. — Она называется «Искра». Напишите об этом статью и передайте брату Дмитрию. Он знает, куда это послать.

Владимир Ильич опустил вёсла и загляделся на берег Пахры. У воды густые розовые заросли иван-

чая; за ними поляна, покрытая ромашками, на поляне тёмным шатром раскинулась ива, процеживая сквозь зелёные пряди солнечные лучи.

— Какая красота вокруг, океан воздуха, а люди в этом здоровом месте умирают от отравления, дети обречены на тяжёлый рахит. Газета научит рабочих, как им стать хозяевами своей судьбы...

— Вы правы. И если действительно такая газета есть...

— Она будет, непременно будет, дорогой Вячеслав Александрович.

Вернувшись домой, Владимир Ильич шагал по комнатам, с довольным видом потирая руки, и наконец сказал брату:

— Очень интересный человек твой доктор! Он очень дельный. Ты его расшевеливай, заставляй писать корреспонденции в «Искру». Дай ему почитать Маркса... Очень дельный и хороший человек!

Вечером проводили Марию Александровну в Петербург.

— Мамочка совершенно напрасно поехала,— сказала Анна Ильинична, глядя на удаляющийся поезд. — Не дадут ей такого разрешения.

— Но она будет спокойна, что сделала всё, что могла. А уж если мамочка что задумала, отговаривать её бесполезно, — ответила Мария Ильинична.

— Пока вернётся мамочка, мы должны очень многое сделать, чтобы потом было больше свободного времени, — сказал Владимир Ильич.

Он попросил брата подобрать подходящую «записную книжку». Дмитрий Ильич предложил только что полученный 5-й номер журнала «Научное обозрение». Этот толстый журнал пришёлся по вкусу Владимиру Ильичу. Полистав его, он остановился на статье С. Чугунова «Шейное ребро у человека с точки зрения теории эволюции».

— Вполне подходяще, — сказал Владимир Ильич. — Сюда мы запишем проект программы Российской социал-демократической партии, и в таком виде её можно будет провезти через границу.

Мария Ильинична налила в чашку молока, встала новое перо в ручку и принялась аккуратно вписывать молоком между строчек «шейного ребра» проект программы. Её сменил Дмитрий Ильич.

В субботу из Москвы с работы приехал Марк Тимофеевич. Владимир Ильич посвятил и его в свои планы, и они целую ночь просидели над изобретением «хитрого столика», который должен был хранить партийные документы и быть недоступным для полицейских ищек.

Марк Тимофеевич закончил чертёж, когда утренние лучи солнца заглянули в комнату на антресолях.

Наверно, английский изобретатель Уатт не работал с таким тщанием над изобретением первого универсального парового двигателя, как работали Вла-

димир Ильич и Марк Тимофеевич над этим партийным хранилищем.

Это был шахматный столик в сто клеток для игры вчетвером. Круглая тумба опирается на три изогнутые ножки, на тумбе — целое архитектурное сооружение из выдвигаемых ящичков, и их венчает крышка, отделанная филёнкой. Стоит вынуть гвоздик из филёнки — и крышка легко отодвинется, как в пенале. Под крышкой — вместительное углубление.

— Полицейских будут интересовать прежде всего ящики. Толщину крышки замаскирует филёнка. Отличное изобретение! — радовался Владимир Ильич. — Теперь дело за мастером. Нужен очень опытный краснодеревщик, а главное — абсолютно верный человек,

— Есть у меня на примете такой умелец, — сказал Марк Тимофеевич. — За верность его я ручаюсь.

Имя этого умельца осталось неизвестным. Но творение его рук позволило партии в течение семнадцати лет, до победы Октябрьской революции, хранить в нём важнейшие партийные документы. Сколько раз при обысках столик ощупывали, выстукивали, опрокидывали опытные полицейские ищущики. Столик ни разу не выдал тайны. Вот почему и сегодня он занимает почётное место в Центральном музее Владимира Ильича Ленина. Его, верного ветерана партии, бережно хранят под стеклянным колпаком...

Переписка с товарищами, остающимися в России, будет контролироваться охранкой. Надо придумать хитрые шифры, хорошо запоминающиеся ключи к ним, которые бы не могли раскрыть опытные знатоки конспиративных шифров в охранке. Владимир Ильич придумывал шифры, выверял их, работал с точностью математика и вдохновением поэта. Нужно было подумать и над тем, как сохранить здоровье и бодрый дух товарищей на случай их ареста.

— Ты скоро будешь врачом, — сказал Владимир Ильич брату. — Я хочу спросить у тебя медицинские советы. Как следует держать себя в смысле личной гигиены, если попадёшь в каторжную тюрьму? Когда я сидел в «предварилке», я никогда не упустил случая натирать полы в камере и коридорах. Устраивал себе такую славную гимнастику. Но этого мало. Надо научно разработать режим, который бы помог сохранить силы, укрепить волю.

Дмитрий Ильич с удивлением посмотрел на брата.

— Почему ты думаешь о каторге? Ведь ты едешь за границу?

— Всякое может быть, — ответил Владимир Ильич. — Не на век же я туда еду. Эти советы надо широко распространить среди наших товарищей, чтобы каждый был подготовлен и знал, как вести себя в тюрьме.

Наконец приехали муж и жена Шестернины с Тамбовщины, и вслед за ними товарищ Владимира

Ильича по сибирской ссылке Пантелеймон Николаевич Лепешинский.

Домик на Пахре стал походить на штаб. Когда молодые люди собирались в столовой и начинали вполголоса разговаривать, Фридка шла в переднюю и ложилась у порога. Зато, когда все выходили с крокетными молотками в сад, Фридка могла вдоволь бегать по дорожкам, хватать в зубы закатившийся в траву шар, а по утрам, когда все обитатели дома бежали на Пахру купаться, Фридка сидела на берегу и беспокойно водила глазами, следя за пловцами. Больше всего беспокойства ей доставлял Владимир Ильич. Вот он плывёт сажёнками, выбрасывая поочерёдно вперёд руки, и вдруг скрылся под водой. Фридка встаёт на четыре лапы, вытягивает вперёд морду. Пропал человек, нет его. Фридка с размаху кидается в реку, а Владимир Ильич вынырнул на противоположном берегу, выбрался на песок и звонко смеётся.

— Что, испугалась? Думала, утонул? — похлопывал он Фридку по мокрой голове.

Вечером к хозяйке дома Кедровой пришёл исправник. Он подробно расспрашивал хозяйку, чем занимаются Ульяновы, что за гости к ним приехали, не таятся ли они, не готовят ли заговор против государя императора. Хозяйка с недоумением посмотрела на старика и пригласила его выйти на крыльцо. Из-за забора доносились взрывы весёлого смеха, слышался стук крокетных шаров, синий дымок

от самовара вился над забором. Приятный тенор запел:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами,
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных...

— Кто это поёт? — спросил исправник.

— Старший сын Ульяновых, Владимир Ильич, — ответила Кедрова.

— Тот самый, который прибыл из сибирской ссылки? — удивился исправник.

— Вам лучше знать, откуда он прибыл. Но он смеётся звонче всех и всегда насвистывает или напевает. По утрам вперегонки с подольскими мальчишками плавает в Пахре. Наговаривают вам на него. Разве революционеры умеют так веселиться? Это вполне благопристойные молодые люди, — уверенно заключила хозяйка.

Поверх забора показалась огромная круглая голова Фридки. Увидев полицейскую форму, она оскалила зубы, глаза её грозно засверкали, и исправник поспешил уйти в дом.

На третий день вернулась Мария Александровна.

Все дети встречали её на станции, и никто не задал вопроса, удачно ли она съездила. И она ничего не сказала. Но, приехав домой, она вынула из ридикюля казённую бумагу с печатями и протянула её Владимиру Ильичу:

— Вот тебе подарок.

— Разрешили? — просиял Владимир Ильич и крепко прижал к себе мать. — Ты не представляешь, дорогая мамочка, какой это замечательный подарок!

В последний вечер перед отъездом в Уфу решили покататься на лодках. На живописной лужайке под шатром ивы устроили весёлый пикник: пели песни, играли в горелки. Мария Александровна сидела в тени на пенёчке и с улыбкой наблюдала, как веселится молодёжь.

К вечеру, освежённые прогулкой, с охапками незабудок и ромашек возвращались домой. Выбрались на берег. Над Пахрой поднималась голубоватая дымка. Солнце село, и стало быстро темнеть. Острее запахло свежескошепным сеном, и, словно по мановению дирижёрской палочки, застрекотали кузнечики. Плеснулась рыба в притихшей Пахре, испуганно квакнула лягушка, в прибрежных кустах отчётливо и звонко чокнул соловей раз-другой и замолк. По скошенному лугу промчались на неосёдланных лохматых лошадёнках мальчишки в ночное и скрылись в ложине. И снова тишина наполнилась стрекотом кузнечиков. В небе загорелись первые звёзды.

Никому не хотелось уходить в дом. Уселись у стога и молчали. Владимир Ильич, облокотившись на охапку сена, жадно вдыхал душистый воздух, ощущал тепло ещё не остывшей после дневного зноя земли. Завтра всем предстояло разъехаться в разные

стороны. Шестернины возвращались на Тамбовщину, Лепешинский ехал в Псков, Владимир Ильич с Марией Александровной и Анной Ильиничной — на Волгу. Доктор Левицкий за эти дни стал не просто доктором, а корреспондентом газеты «Искра», а Мария Ильинична и Дмитрий Ильич отныне являлись агентами «Искры». Все сидели и думали о трудном и прекрасном пути, по которому взялись идти, на который вступили многие честные русские люди.

— Давайте споем, — нарушил тишину Владимир Ильич, — нашу любимую.

Эту песню сложил в сибирской ссылке Глеб Максимилианович Кржижановский, и её часто пели они в Шушенском.

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут...

Товарищи тихо, почти шёпотом подхватили:

В бой ржовой мы вступили с врагами,
Нас ещё еудаёмы безвестные ждут...

С противоположного берега реки потянуло дымком и запахом печёной картошки. Это ребята в ночном развели костёр в ложбине, в горячих углях ворошили картошку. Неподальёку вспыхнул и взметнул высоко в небо другой костёр, и на фоне пламени возникли мальчишеские фигуры.

— Костры!—задумчиво сказал Владимир Ильич.—Мы с вами, товарищи, тоже раскладываем кост-

ры по всей России, и они загорятся от нашей «Искры».

— И кто знает, — откликнулся Пантелеймон Николаевич, — может быть, всем этим мальчишкам будет суждено зажечь огонь революции.

На опушке леса вспыхивали всё новые огни. Мальчишки подкидывали сухой валежник, ворошили угли, и в небо взлетали мириады искр и становились звёздами.

На земле стрекотали невидимые кузнечики, над ухом тонко звенели комары, предвещая хорошую погоду.





Ястребки

Ястребки — это не птицы и не самолёты. Ястребки — это дети революции, юные помощники партии.

В первой русской революции питерские мальчишки помогали своим отцам в борьбе за свободу.

©ни охраняли вместе с рабочими-дружинниками митинги, были связными, отвлекали на себя внимание жандармов и шпииков, сражались на баррикадах.

За сноровку в деле, смекалку и бесстрашие рабочие прозвали этих ребят ястребками.

Василь с ястребками пробирались к Панинскому саду. Егорка заартачился: он уже здесь побывал — хватит! До сих пор помнит, как сторож чуть ухо не оторвал, да вдобавок мать отлупила за порванную рубаху. Это не считая расцарапанных в кустах крыжовника рук.

Василь глянул на него с презрением:

— Бублик с маком! Не может понять: не баловство это. И в саду сейчас ни крыжовника, ни сторожа.

— Просто оробел, — объяснил Ромка и добавил всякие разные другие, не очень приятные для Егорки слова.

Но Егорка лезть в сад отказался наотрез.

Ребята перебирались через высокий кирпичный забор. Прыгали в пушистый, глубокий сугроб. Мешали валенки — большие, не по ноге.

В саду рассыпались вдоль забора. Каждый облюбовал себе «бойницу» — отверстие в кирпичной стене, сделанное просто для красоты, а ребятам это было на пользу. Сквозь отверстия можно было увидеть кусочек улицы и переговариваться как по трубе.

Васи ль занял позицию у второй бойницы с угла.

Ромка устроился на старой кривой иве, что росла напротив Народного дома. Пальцы на руках скоро одеревенели, стыли ноги, но Ромка боялся шевельнуться, чтобы не открыть себя.

У подъезда дома в свете фонарей искрилась снежная пыль. По булыжнику цокал подкованными сапогами городской — хозяин улицы, лютый враг всех мальчишек. Только бы он не заметил Ромку!

Наконец в подвальном помещении засветилось окно. Ромка мигом соскользнул с дерева, выждал, пока городской скроется в конце улицы, и вбежал в подъезд.

В зрительном зале кончился спектакль, и публика расходилась; в гардеробной стоял шум и толчея. Вместе со зрителями уходили из Народного дома и делегаты Первой петербургской партийной конференции, которая здесь тайно собиралась.

На втором этаже Ромка приоткрыл дверь в комнату. В комнате было много беспорядочно раздвинутых стульев. Лицом к двери стоял небольшого роста человек с крутым лбом. В бородке и усах рыжинки поблёскивают, в глазах — золотые искорки. Он надевал пальто и говорил дяде Ефиму:

— Мы очень хорошо поработали сегодня, Ефим Петрович. Голосование показало, что большевики одержали верх.

Ромка хотел прикрыть дверь; но говоривший приметил его и спросил:

— Вам кого, молодой человек?

— Мне дядю Ефима, — ответил Ромка и покраснел: до того у него получилось это не по-взрослому.

Ефим Петрович оглянулся:

— Это наш ястребок, Владимир Ильич... Всё в порядке? — спросил он Ромку.

— Вроде всё.

— Мы можем быть уверены? — спросил Владимир Ильич.

— Да! — твёрдо ответил Ромка и снова почувствовал себя взрослым.

Он выбрался с толпой на улицу, пробежался вдоль забора и прижался спиной ко второй бойнице. Слышно было, как в отверстие в стене кто-то дул. Ромка улучил удобный момент и сердито прошептал Василию в переговорную трубу:

— Скажи, чтоб тихо сидели и не пыхтели. Жди моего сигнала.

Мальцы примолкли, но вот Федюнька начал рассказывать, будто в Питере конку возить будут не живые лошади, а «лектрические», и будто все те кони в шапках-невидимках и конка называется по-иностранному — «трамвай». Федюнька хотел ещё что-то интересное рассказать, но получил от Василя подзатыльник и замолк.

Ромка пристально вглядывался в проходивших

людей. Вот уже перестали хлопать двери Народного дома, и улица опустела. Неужели проглядел? Ему даже жарко стало, и в ушах от напряжения зазвенело. Где-то со стороны Расстанной улицы раздались крики, и туда заспешил городовой.

«Наверно, драка», — подумал Ромка.

Из подъезда Народного дома вышли двое. Один длинный и худой — это дядя Ефим, а во втором, одетом в тёмное пальто и мерлушковую шапку, Ромка узнал человека с золотой искоркой в глазах.

Вот из-за угла вынырнул какой-то барин в долгополом пальто и в котелке, с тросточкой в руках. Мелким, быстрым шагом он пошёл следом за дядей Ефимом и его спутником. Шёл крадучись, как кот, и даже снег не скрипел под его ногами.

Это был шпик.

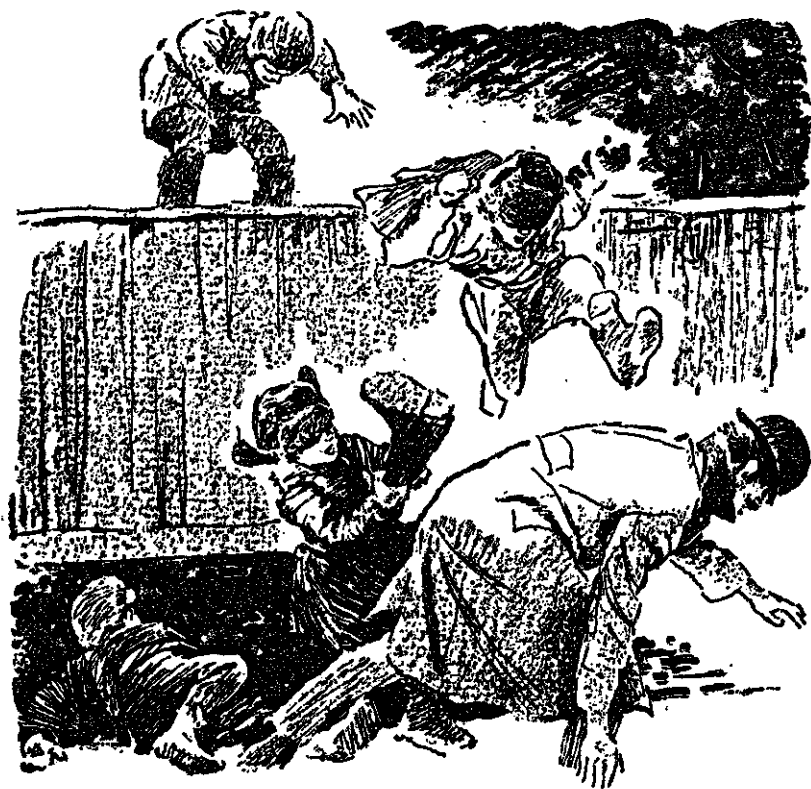
Ромка знал, что шпик будет теперь как тень следовать за спутником дяди Ефима и где-нибудь по дороге укажет на него жандармам, а те арестуют его и посадят в тюрьму.

Время было тяжёлое. Это был второй год революции — 1906 год. Царь не жалел патронов, не скупился на тюрьмы для революционных рабочих. Но рабочие не сдавались.

Ромка пошёл навстречу шпику.

Шпик набавлял ходу. Вдруг перед ним как изпод земли вырос парнишка в куртке не по росту и в шапке, надвинутой на глаза.

— Дяденька, скажите...

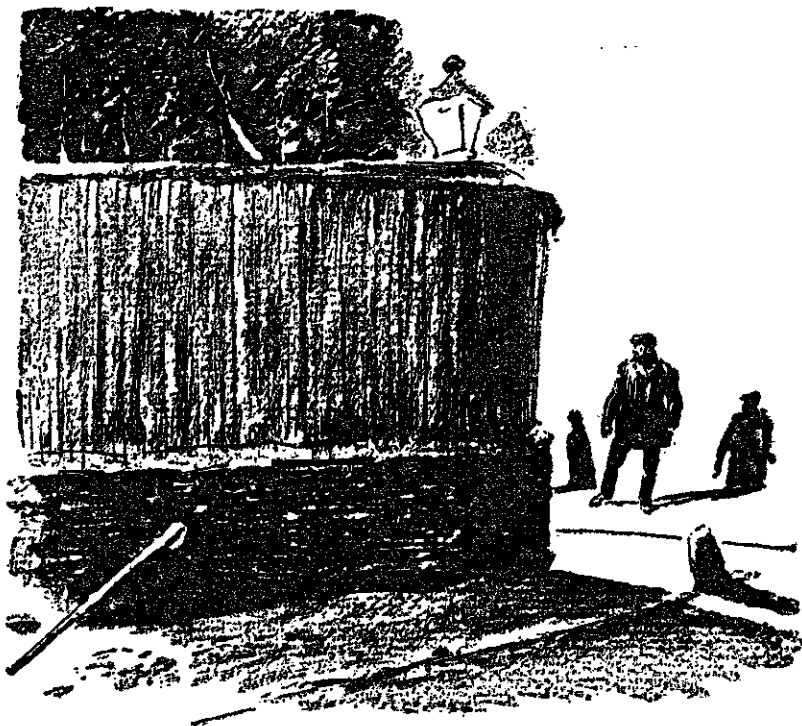


Шпик только рукой махнул:

— А ну тебя!

Но парнишка пошёл рядом, и было ясно, что он не отступит до тех пор, пока не решит занимавший его вопрос.

Так и шагали они бок о бок: жандармский слуга в одежде барина и питерский мальчишка в дырявых



валенках и нищенской одежде, но с чистым и смелым сердцем.

— Дяденька!—вдруг крикнул что есть мочи Ромка, когда они поравнялись с кирпичным забором, и стал на панели, преградив путь врагу;

Услышав сигнал, с забора стали сваливаться на шпика Ромкины и Василёвы ястребки,

Василь стоял на верху кирпичной стены и командовал:

— Федюнька, сигай ему, дьяволу, на спину! Сёмка, забегай вперёд!

— Смелей, не робей! Валяй, поддавай! — подбадривал Ромка.

Федюнька спрыгнул со стены, но его опередил свалившийся с ноги дедов валенок, и кто-то в пылу свалки шибанул этот валенок в сторону.

Василь был уже внизу. Мальцы все вместе окружили барина, что-то кричали, на кого-то жаловались, замахивались друг на друга кулаками и цеплялись за руки шпика. Шпик пытался оторвать их от себя, высвободиться, ругался и наконец завопил: «Кар-р-аул!» — но его крик потонул в ребячем галдеже.

Откуда-то появился Егорка. Он схватил валявшийся на панели валенок и с победным криком ринулся в свалку.

Шпик поскользнулся и упал, увлекая за собой ребят.

Котелок слетел у него с головы.

Ромка выбрался из гурьбы ребят и огляделся. Ему было жарко, он тяжело дышал.

Из темноты выплыла длинная фигура. Это возвращался дядя Ефим. Он был один.

— Вы чего, буяните? — зашумел Ефим Петрович, притворяясь сердитым, — Зачем человека с ног сбили? Вот я вас сейчас! А ну, расходишь!

Ястребки мгновенно разлетелись в стороны, и дядя Ефим хотел помочь шпику подняться на ноги. Но тот со злостью оттолкнул его, нахлобучил котелок, который услужливо подал Василь, выхватил из кармана свисток и принялся изо всех сил свистеть.

Городовой не появлялся. Его ещё раньше отвлекли рабочие-дружинники, устроив шум на Расстанной улице.

Свирепо ругаясь, шпик побежал по направлению к полицейскому околотку.

У стены стоял Федюнька. Он засунул обе ноги в один валенок и горько шмыгал носом. Из-за дедова валенка ему не пришлось участвовать в таком важном деле.

Ромка вырвал валенок у Егорки:

— Тоже храбрый нашёлся — чужим валенком воевать.

Ребята окружили дядю Ефима.

— Беги на угол Расстанной, — приказал Ефим Петрович Василю, — там рабочий-дружинник Гаврила Иванович стоит, они городского задержали. Скажи ему: «Шабаш, всё в порядке».

Василь помчался. Дядя Ефим пошёл по улице. Мальчишки двинулись за ним. Шли молча, поглядывали на дядю Ефима и всё ждали, что он скажет.
¹ А он только хитро посмеивался в усы.

— Ну, чего там разговаривать, — наконец сказал он. — Большую помощь дружинникам оказали, важ-

ное поручение выполнили. Дорогому человеку по
могли. Так-то...

Они шагали по улице и были её хозяевами.

Порошил снежок.

Старая кривая ива стояла в нарядном инее.

Улица была чистая.





«Мочёные яблоки»

Гудит по лесу ветер, гнёт высокие сосны, силится
сломить их. Пружинят золотистые стволы, не под-
даются ветру.

Низко над лесом несутся тёмные облака.

Настя идёт против ветра. Руки засунуты в рукава. Взвизгивает под ногами снег. Гулко и тревожно бьётся сердце.

На вид Насте лет пятнадцать: маленькая и лёгкая, того и гляди, ветер унесёт. Кольца волос над большими встревоженными глазами и платок вокруг лица опушились инеем. Длинная юбка хлещет по ногам. Короткий материн жакет не придаёт солидности. Девчонка, как есть девчонка. Сегодня у Финляндского вокзала остановил её какой-то дед: «Скажи, девочка, как мне добраться до Невского проспекта?» Настя объясняла совсем по-взрослому, а старик на прощание сказал: «Дай бог тебе здоровья, девочка», — так и не признал за взрослую.

Настя шагает по плохо укатанной, заснеженной дороге и про себя отмечает: вот забор с надписью «Во дворе злая собака». И впрямь, к забору кинулся огромный пегий пёс.

На всякий случай Настя перешла на другую сторону.

Михаил Степанович говорил, что потом должна быть красная дача в два окна на улицу, а там недалеко и до дачи «Ваза».

Вот показалась островерхая крыша двухэтажной дачи с разноцветными стёклышками на веранде. Вокруг дачи мохнатые ели. Это и есть «Ваза». Девушка оглянулась. Наказ ей дан строжайший: зайти в дом никем не замеченной, не привести, чего доброго, за собой шпика. На улице ни души; только

ветер носится и ревет как оглашенный. Хотела уже свернуть на тропинку, протоптанную к даче, как слышался грозный окрик:

— Эй, поберегись!

Настя вздрогнула и заметалась по дороге, побежала назад, словно и не собиралась сворачивать на тропинку, оступилась на обочине и увязла в снегу по колено.

Мимо проехали сани, и на девушку глянули из-под башлыка недружелюбные глаза. Сердито топорщились заиндевевшие усы.

«Откуда он взялся? Какой сердитый! Уж не шпик ли?» Настя долго следила за санями, и чем дальше они удалялись, тем спокойнее становилось на сердце.

Теперь можно повернуть к даче. Сделала два шага — и видит: из калитки вышли двое — мужчина и женщина. Женщина в белых валенках впереди, мужчина в чёрных валенках сзади. Рванул вихрь, женщина отвернула лицо в сторону, мужчина подошёл к ней, заботливо поднял воротник её пальто, взял под руку, и они пошли прямо по снежной целине в лес. Настя пригнулась и сделала вид, что зашнуровывает ботинок. Выждала, пока они скрылись в лесу, осмотрелась вокруг и побежала к калитке, потом — через двор. Дощатая дверь с широкой щелью во всю длину легко открылась. В сенях — вторая дверь, обитая войлоком. Постучала в планку — ответа нет. Дёрнула за ручку — дверь заперта. «Значит, это они вы-

шли погулять. Боялась опоздать, приехала раньше, вот теперь и жди».

Настя стояла, переминаясь с ноги на ногу. Звякнуло кольцо на калитке. «Вернулись!» И Настя ^тала вспоминать, что сказать. «Не надо ли вам мочёных яблок? Не надо ли вам мочёных яблок?» — твердила она шёпотом пароль и отвечала «ебе: «Если недорого, возьмём фунта два».

Девушка прильнула к щели в двери и тотчас отпрянула назад: по расчищенной дорожке, между высоких снеговых стен, шёл высокий человек с заиндевевшими усами, в башлыке. «Тот самый... Сердитый... Высмотрел... Вернулся...»

Настя кинулась подальше от двери, натолкнулась на большой ларь. Приподняла крышку — на дне несколько поленьев. Подумать не успела: некогда было. Прыгнула в ларь и осторожно опустила над собой крышку. Хотела устроиться поудобнее, но сердитый уже вошёл в сени. Настя сжалась в комок, ей сразу стало жарко. Человек постучал в дверь и стал ходить по сеням взад-вперёд, взад-вперёд, потом подошёл к ларю и остановился. Настя замерла: «Сейчас откроет.., Выскочу и выцарапаю проклятому глаза! Сама привела, сама с ним и расправлюсь!» Крышка ларя затрещала. Настя зажмурилась. Нет, не открыл, а просто уселся на ларе. Стучит нога об ногу: верно, ему тоже холодно. Ну и пусть, хоть бы совсем закоченел! «Дура, дурёха, — думала горестно Настя, — ни ростом, ни умом не вышла. Вот и сиди

теперь, как разнесчастная мышь в мышеловке. Вот тебе и первое партийное поручение...»

Клонит в сон. Нет, спать нельзя, соображать надо как усатого выпроводить. «Закричу. Он испугается и соскочит с ларя. Я открою крышку и побегу. Схватить не успеет, а как опомнится, я буду бежать в другую сторону от леса. Догонит? Пусть, а беду от этого дома я отведу».

Настя набрала воздуха, чтобы крик получился погромче, пострашнее, но в это время скрипнула дверь, и в сенях заговорили:

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! Добрый день, Владимир Ильич!

Владимир Ильич? Ленин? Да не ослышалась ли она? Так, значит, и человек в башлыке не шпик, а свой!

— Вы нас долго ждёте? — спросила Надежда Константиновна.

— Минут двадцать. Привёз вам почту.

— Вот хорошо, что мы раньше вернулись, а то вы совсем замёрзли бы...

Это голос Владимира Ильича.

Это он, он! Вот кого могла бы она погубить, вот почему так строго предупреждал Михаил Степанович об осторожности!

— Заходите обогреться. — Это опять Владимир Ильич.

— Нет, нет, я спешу. Возле вашего дома болталась какая-то подозрительная девчонка. Мне при-

шло проехать до конца посёлка; я там оставил лошадь. Благополучно оставаться!

— Спасибо, до свиданья!

В замочной скважине заскрежетал ключ. Настя собралась с силами:

— Мочёные яблоки... Не нужно ли вам мочёных яблок? — Прозвучало это глухо и жалостливо.

В следующий миг открылась крышка, и над девушкой склонилось встревоженное лицо Владимира Ильича. Прищуренные глаза всматривались внутрь ларя.

— Владимир Ильич... Мочёные яблоки... — всхлипнула Настя.

— Надюша, поддержи-ка почту. — Владимир Ильич подхватил девушку на руки и вынул из ларя. — Не плачьте, пожалуйста, не плачьте! И мочёные яблоки мы возьмём — фунта два, если недорого. Боюсь, что это слишком дорого вам обошлось.

Надежда Константиновна спешила открыть дверь.

Владимир Ильич внёс девушку в комнату, усадил на диван, осмотрел её руки.

— Ай-яй-яй, мочёные яблоки стали совсем мороженые!

— Я сейчас вскипячу чай. — И Надежда Константиновна, как была, в пальто и шапке, стала разжигать примус. Вскоре под чайником задрожала синяя астра огня.

Надежда Константиновна быстро сняла пальто,

переобулась, поставила валенки на печку и принялась разувать девушку,

Владимир Ильич вынул из кармана варежку и стал растирать Настины руки.

Настя не могла говорить, и её ни о чём не спрашивали. А слёзы, противные, сами катились по щекам, и не столько от боли, сколько от досады и стыда.

Надежда Константиновна принялась энергично растирать Настины ноги и покачала головой:

— Ещё немного, и было бы совсем худо, но, кажется, отделались счастливо.

Пальцы на руках покалывало горячими иголками, а мизинец распух и болел.

Владимир Ильич встал:

— Уфф! Теперь объясните, пожалуйста, для чего вам потребовалось забираться в ларь?

Настя рассказала. Владимир Ильич смеялся до слёз, и Настя, глядя на него, смеялась.

— А наш великий конспиратор вас перепугался. Какая-то, говорит, подозрительная личность ходила перед дачей,—сквозь смех говорил Владимир Ильич.

«И всё не личность, а девчонка, и глупая при этом», — думала Настя.

— А сколько вам лет? — поинтересовался Владимир Ильич, глядя на распухшее от слёз и холода лицо девушки.

— Восемнадцатый, — не совсем уверенно ответила Настя и покраснела.

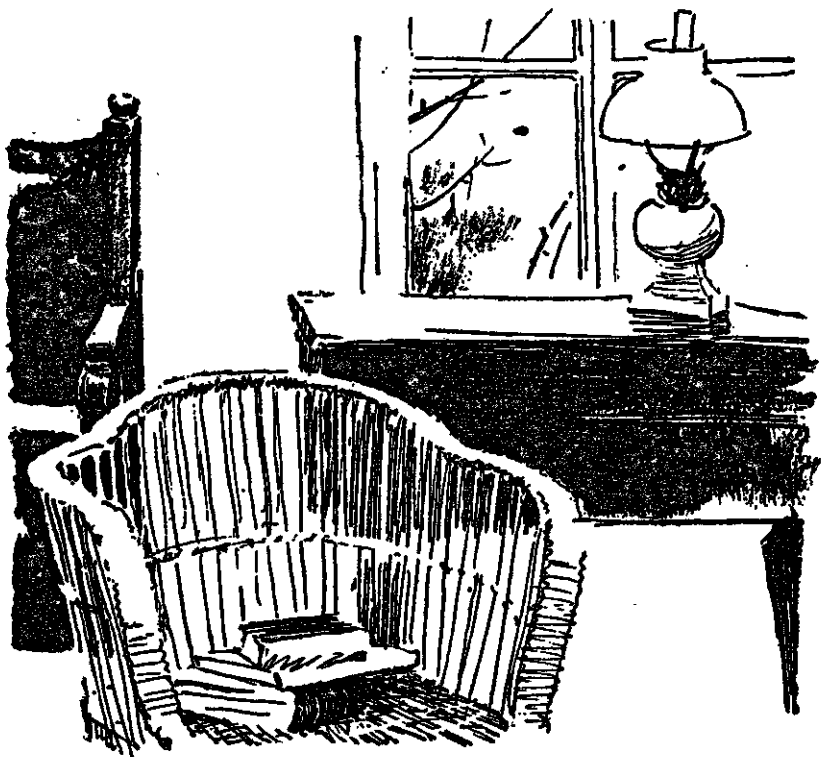


— Я так и думал.

И Настя не могла понять, что хотел сказать этим Владимир Ильич.

— Так вы приехали за моей статьёй в «Пролетарий»? Я так понял?

— Да, да, Михаил Степанович велел её доставить к вечеру, и я должна немедленно ехать. Я уже могу,



— А статья-то у меня ещё не готова, да-с, не готова, — сказал виноватым голосом Владимир Ильич. — Мне понадобится ещё часа два-три, не меньше. Как ты думаешь, Надюша?

Надежда Константиновна посмотрела на пунцовые ноги девушки и сказала:

— Да, я думаю, часа три.

— Как же не готова? — недоверчиво спросила

Настя. — Михаил Степанович сказал, что должна быть готова.

— Непредвиденные обстоятельства, — пожал плечами Владимир Ильич. — Замешкался... Прогулял... Пока я закончу, вы можете поспать. Вам архинеобходимо вздремнуть. Как только я справлюсь, мы вас разбудим.

Настя села пить чай с Надеждой Константиновной. Владимир Ильич устроился в соседней комнате писать.

«Значит, и вправду не закончил», — подумала Настя.

Её оттаявшие волосы завивались кольцами на лбу, шпильки из пучка выпали, и две коротенькие косы болтались по плечам.

А потом Настя покорно положила голову на подушку, подsunутую ей Надеждой Константиновной, с наслаждением вытянула ноги под тёплым одеялом и не помнила, как заснула.

Разбудил её Владимир Ильич:

— Вам пора ехать. Если только ноги не болят.

— Нет, нет, — вскочила Настя.

— И, кстати, — продолжал Владимир Ильич, — я не только эту статью закончил, но и написал вторую, весьма и весьма нужную.

Настя шла по улице. Ветер дул ей в спину и словно подгонял её. Белые и такие тёплые валенки похрустывали по снегу. Пальцы в тех самых варежках,

которыми ей растирал руки Владимир Ильич, чуть пощипывало, но не от холода, а от тепла. Вот болел только забинтованный мизинец на правой руке.

За забором лает пегая собака, громко лает, но не страшно.

— Вы, девушка, не бойтесь, она не кусается! — кричит ей кто-то из-за забора.

— А я и не боюсь, — отвечает Настя.

Навстречу мчится парнишка на финских санях. Одной ногой бежит по дороге, другой стоит на длинном полозе саней-поткурей. Смешно. Кивнул ей головой, будто знакомый. И она кивнула.

Ей не страшно.

Вот идёт мужчина с сундучком железнодорожника в руке. «Наверно, со смены идёт. Ну и пускай себе идёт. Он — по своим делам, я — по своим. Не все же шпики на свете, хороших людей куда больше».

Под суконным жакетом на груди у Насти прижаты две статьи Ильича для большевистской газеты «Пролетарий».





Вильхо

Вильхо возвращался из школы. Одной ногой он стоял на длинном железном полозе саней-поткурей, другой отталкивался от земли и как ветер мчался по дороге, проложенной через шхеры.

Суровый край — финляндские шхеры. Тысячи островов густо разбросаны в Ботническом заливе. Есть острова большие — на них разместились целые посёлки, есть и совсем крохотные — трём чайкам на них тесно.

Зимой Вильхо живёт у дяди и учится в школе, а на каникулы уезжает к родителям на дальние острова; там школ нет.

Мальчик подкатил к дому, сбил с башмаков снег и открыл дверь. В кухне рядом с дядей Бергманом сидел незнакомый мужчина. Вильхо шмыгнул за печку и оттуда стал рассматривать гостя.

Незнакомец разговаривал с дядей и листал маленькую книжечку.

Лицо у гостя молодое, глаза быстрые, внимательные и чуть прищуренные. Лоб высокий-высокий, над верхней губой топорщатся светлые усы. Слова он произносит так, что сразу и не поймёшь. «Иноземец», — решил Вильхо.

Дядя называл гостя господином профессором.

На ночь профессора устроили в спальне, а сами расположились в кухне.

Когда он ушёл спать, дядя строго посмотрел на Вильхо и сказал:

— Никому не говори, что к нам приехал гость. Спросит кто, есть ли у нас чужие, отвечай: «Никого нет».

— А почему нельзя похвалиться, что у нас в доме гость?

— Чтобы люди не завидовали... И нельзя так много спрашивать, не то станешь скоро седым.

Утром гость подозвал мальчика к себе и сказал:

— Давай познакомимся!

— Вильхо, — назвал себя мальчик, поклонившись.

— Профессор Мюллер, — ответил гость и, полистав книжечку, спросил: — Ты идёшь сегодня в школу?

Вильхо приподнялся на цыпочки и прокричал на ухо гостю:

— Не-е-ет! Я учу-усь три раза в не-де-лю-ю!

— Почему ты так кричишь? — поинтересовался профессор.

— Чтобы ты лучше меня понял, — ответил Вильхо.

Тётка Тайми зашикала, дядя кинул на дерзкого мальчишку свирепый взгляд, а профессор запрокинул голову и так хорошо и радостно рассмеялся, словно ему на крючок попалась сёмга.

Гость вытер глаза, заглянул в книжечку и сказал:

— Ты совершенно прав, Вильхо. Когда плохо говоришь на чужом языке,ходишь на глухонемого.

Сели завтракать. На этот раз тётка не говорила, чтобы Вильхо ел поменьше хлеба и побольше салатики, и не добавляла, что «салаку море даёт, а хлеб — его надо на скалах выращивать, каждое зерно потом поливать». Хлеб в доме пекли раз в месяц и подвешивали к потолку, чтобы он высох. Сухого

хлеба много не съешь, и достать его с шеста было не просто.

Профессор листал книжечку и задавал дяде вопросы — хорош ли улов рыбы, какие налоги платят торпари и рыбаки.

Дядя отвечал охотно, а потом и сам задал вопрос, которым всегда интересовались финские рыбаки, когда собирались вместе. Профессор внимательно посмотрел на дядю и сказал:

— Финляндия обязательно получит право на самостоятельность.

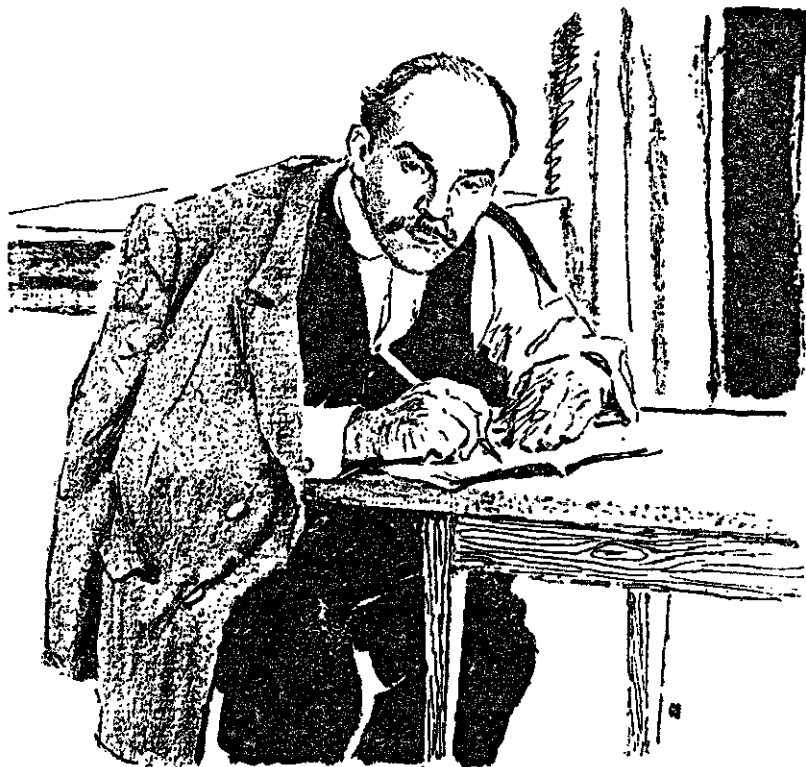
— Неужели русский царь смилостивится? — усомнился дядя.

— Нет, от царя такого блага не ждите. Есть только одна сила в мире, которая принесёт вам это право: победа русских рабочих. Сейчас русские рабочие потерпели поражение, но придёт время — они снова соберутся с силами.

— Когда русские рабочие победят, они, наверно, про нас забудут, — заметил дядя. — Как говорят у нас в народе: «Своя страна земляника, чужая — черника».

— Нет, дорогой товарищ, — сказал профессор, — у рабочего класса интересы много шире. Русские рабочие непременно завоюют право на самостоятельность финнам, полякам и другим народам.

После обеда гость спросил, нельзя ли купить в лавочке бумаги. Дядя ответил, что уже поздно и лавочка закрыта.



Вильхо слышал этот разговор. Он вынул из шкафа тетрадь и протянул гостю:

— Хочешь, дам одну?

Профессор покачал головой:

— Одной мне мало.

Вильхо достал ещё: отец купил ему тетрадей на целый год. Это были обыкновенные ученические тетради в синих обложках с белой наклейкой посередине.



В таких тетрадях Вильхо делал свои уроки. А зачем они понадобились взрослому человеку?

Профессор сел за стол в спальне и принялся писать. Вильхо устроился в кухне и стал готовить уроки. Оба — и профессор и школьник — писали в одинаковых тетрадях.

Когда стемнело и буквы стали сливаться в одну полоску, профессор вышел в кухню,

— Что ты так много пишешь? — спросил его Вильхо.

— Решаю трудные задачки.

— А ты их решишь?

— Решу обязательно.

— Знаешь что?—Вильхо сделал знак, чтобы профессор наклонился. — Ты спрашивал дорогу на Стокгольм. Зачем тебе идти по льду? Ещё провалишься! Погода плохая, лёд слабый. Поезжай обратно в Або и там садись на пароход. Уж очень интересно на пароходе ходить по морю — это тебе не парусная лодка.

— Хорошо, я подумаю, — сказал профессор и задумчиво погладил мальчика по голове.

Владимир Ильич не мог сказать Вильхо, что сейчас, после разгрома революции, за ним охотятся царские жандармы и что, если он появится в порту Або, его арестуют. Вот почему он решил пойти по шхерам и выйти на водную дорогу, пробитую во льдах ледоколом. В шхерах нет царских жандармов, и по водяной дороге ходит шведский пароход, на котором русские полицейские не имеют права арестовать Ленина.

После обеда Вильхо подозвал профессора к окну. В деревянной коробке из-под сигар, которую мальчик достал из-за печки, хранились сокровища. Первым делом Вильхо показал гостю серую длинную полоску — высушенную змеиную шкуру. Примерил её себе на шею, как галстук, и сказал: ^\

— Я сам убил эту змею. Знаешь, сколько здесь змей в скалах? Не сосчитать. А раз мужчина увидел змею, он должен её убить, ведь так? Испугаться нельзя — девчонки засмеют.

В коробке ещё были винтики, рыболовные крючки, просмолённые нитки и пробка от бутылки с ромом.

— Ты, наверно, змей не боишься, — заметил Вильхо. — Я слышал, дядя говорил тётке Тайми, что ты самый сильный враг царя. Ты сможешь его одолеть?

— Одному человеку царя не одолеть. С ним заодно все богачи. Нужно, чтобы против царя и богатеев пошли все рабочие и крестьяне.

— И рыбаки тоже?

— Да, и рыбаки.

— И тогда одолеют?

— Непременно!

Ночью, лёжа в своей кровати между стеной и печкой, Вильхо услышал разговор. Он осторожно отодвинул полог. Дядя и профессор собирались в дорогу.

Вильхо бросился к профессору:

— Неужели ты уходишь? Ведь скоро рождество. Я наломаю еловых веток, тётка Тайми сделает из них венок, положит его на стол и зажжёт свечи. Это будет рождественская ёлка. Мы будем есть сало и свежий хлеб. Неужели ты уедешь от такого пира?

— Ничего не поделаешь, — развёл руками профессор, — я должен быть в Стокгольме до праздников, у меня там срочные дела.

Профессор попрощался с Вильхо и тёткой Тайми. Дядя открыл дверь, и в кухню со двора поплыл туман.

Ду-У, ду-у! — донёлся с моря гудок.

Дон-дон! — откликнулся колокол.

Это гудели и звонили на пароходах, чтобы в тумане, густом, как простокваша, не наскочить друг на друга, чтобы береглись рыбацьи лодки.

Ду-У» ДУ-у! — гудит пароходный гудок.

Дон-дон! — вторит ему колокол.

Тётка привернула фитиль в лампе, села у окна и, сложив ладони, стала шептать молитву.

Вильхо лежал, замерев от страха. Он вырос в шхерах и знал, что в такую погоду идти очень трудно. Вода поднимается, взламывает лёд, каждый шаг опасен.

Ду-У, ДУ-у! — гудит гудок.

Дон-дон! — отзывается колокол.

Тревожно на море, но туман застилает глаза, и Вильхо засыпает...

Наутро мальчик вышел на крыльцо и ахнул: деревья стояли словно хрустальные — каждая веточка обросла льдом. Скалы тоже покрылись ледяной коркой. Всё вокруг сияло и нестерпимо блестело.

Когда Вильхо вернулся из школы, дядя был уже дома. Он сидел на скамейке и перебирал сеть.

— Профессор, наверно, уже в Стокгольме. Велел передать тебе большой привет, — сказал дядя.

Он чинил сеть, поглядывая на солнечные пятна на полу, покачивал головой, удивляясь чему-то, и рассказывал:

— Ну и ночь была, ну и ночь! Едва не погибли. Хорошо, что взяли с собой лодку. У острова Нагу лёд торосистый, что щучьи зубы. Тяжело было тащить её. Мы оба обливались потом. В одном месте ступили на льдину, а она, как поплавок, ушла под воду. Мы вместе с ней нырнули по пояс и повисли на шесте. Не помню уж, как забрались в лодку. Профессор продрог, но виду не показал. Спасибо тебе, Тайми, за кофе, в войлоке кофейник был как огненный. Мы хорошо отогрелись после ледяной ванны. Вскоре подошёл пароход, и: мы замахали руками...

— И капитан остановился? — обрадовался Вильхо.

— Капитан не может не взять человека на борт в открытом море. Ну и ночь была, ну и ночь!..

Всё это произошло в декабре 1907 года. А десять лет спустя, в апрельский прозрачный вечер, через Финляндию в Питер шёл почтово-пассажирский поезд. Он вёз солдат и рабочих, русских и финнов. С этим же поездом возвращались из эмиграции русские революционеры. И с ними Владимир Ильич Ленин.

В вагонах было шумно. Разговор у всех один — в России царизм свергнут, а война продолжается. Когда же победит на этот раз революция?

На верхней полке в вагоне третьего класса лежал молодой рабочий. Под воротником синей рубашки у него вместо галстука была повязана змеиная шкурка. Свесив голову с полки, он жадно прислушивался к разговору. Это был Вильхо Виртанен, литейщик с металлургического завода в Гельсингфорсе.

В вагон вошла группа мужчин и женщин. Впереди шёл невысокий человек. Лицо молодое, глаза быстрые, внимательные и чуть прищуренные, лоб высокий-высокий, над верхней губой светлые усы.

«Профессор Мюллер!»— сразу вспомнил Вильхо гостя дяди Бергмана в ту страшную ночь. Он совсем не изменился, их гость. Прибавилась только бородка да морщинки вокруг глаз.

Владимир Ильич остановился, окинул взглядом солдат и весело воскликнул:

— Здравствуйте, товарищи! Поздравляю вас с русской революцией!

Вильхо с полки как ветром сдуло. Он протиснулся поближе к говорившему.

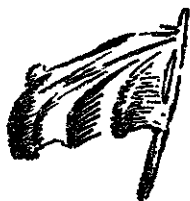
«Профессор Мюллер!»— повторил про себя Вильхо, не решаясь его окликнуть.

— Да здравствует Владимир Ильич Ленин! — восторженно крикнул русский рабочий и подбросил картуз к потолку.—Здравствуйте, Владимир Ильич!

Владимир Ильич прищурился, посмотрел на лица солдат, рабочих, остановил свой взгляд на Вильхо.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищи, — повторил Ленин.

— Терве тулоа, добро пожаловать! — воскликнул Вильхо.





Эдельвейс

Морис лежит на плоском уступе скалы и, свесив голову, смотрит вниз. На отвесной известняковой стене над зелёной бездной мерцают белые звёзды эдельвейса.

Не часто выпадает человеку счастье найти этот цветок и ещё реже — сорвать его. Эдельвейс любит недоступные места и тихое одиночество. Недаром иностранцы платят за него большие деньги.

Рядом с Морисом сидит его верный друг пёс Джимм и внимательно следит за хозяином, будто понимает, что тот замышляет опасное дело. Собака поводит чуткими ушами. В кустах бродят коровы, позвякивают тяжёлыми колокольцами, подвешенными на шеях. «Зде-есь мы! Зде-е-есь мы!» — отдаётся многоголосое эхо в горах.

— Как ты думаешь, Джимм, завладеем мы этими цветами? А?

Джимм скашивает умные глаза на хозяина и молчит.

— Нет, не добаться нам до них, нет! — вздыхает мальчик. — Собирай коров, пора домой.

Морис свистнул, и Джимм с громким лаем скрылся в кустарнике. Веселее зазвенели колокольцы, коровы стали послушно спускаться вниз.

У моста Морис приметил незнакомых ему людей — мужчину и женщину. Они стояли в стороне, ожидая, пока пройдут коровы и уляжется пыль.

— Мальчик, ты не скажешь, где здесь можно переночевать? — спросил мужчина, когда Морис поравнялся с ним. Из-под войлочной шляпы глядели весёлые карие глаза.

— Я спрошу у отца, — неопределённо ответил Морис, разглядывая туристов.

Мужчина держал под руку женщину с пышными светлыми волосами. У обоих за спиной рюкзаки, в руках альпийские палки.

Иностранцы редко заглядывали в эту ничем не примечательную деревушку в распадке гор. Крестьянским домам они предпочитали удобные отели, опасным крутым тропинкам — подвесную дорогу.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна любили бродить по диким местам и отдыхать среди простых людей.

— Речка-то как звенит, словно хрустальные камешки перекачивает, — прислушалась Надежда Константиновна, когда они договорились с лесорубом о ночлеге и устроились на крылечке отдыхать.

— Очень хорошо здесь, красиво, но, скажу тебе по секрету, — и Владимир Ильич наклонился к жене, — на Волге лучше. И красивее берёзовой рощи я ничего на свете не видел. Только здесь, вдали от родных мест, ощущаю я это со всей силой...

Надежда Константиновна понимала — тоскует по родине Ильич. Вынужденный жить в эмиграции, в Швейцарии, он мыслями всегдитам, в России.

Огромное солнце повисло над самыми вершинами, словно силилось растопить вечные льды. Высоко над деревушкой, между пиками двух гор, плыл вагончик, поблёскивая на солнце стёклами. Тросов снизу не было видно, и казалось, что вагончик, покачиваясь на ветру, плывёт на белом облаке.

Хозяйка принесла по кружке парного молока— пена возвышалась снежной вершиной.

Надежда Константиновна развязала рюкзак, разложила на столе снедь и пригласила к столу хозяев:

— Давайте поужинаем вместе!

Лесоруб с женой смущённо переглянулись и присели к столу. Владимир Ильич позвал и Мориса.

— Тогда будем считать, что у нас сегодня праздничный ужин, — сказал хозяин. — Есть у меня бутылка старого вина, сам делал и берёг для хороших людей.

Лесоруб присматривался к гостям.

— Из какой вы страны?— поинтересовался он,

— Из России. Слыхали?

— Из той самой России, из которой Суворов?

— Да, да.

— Великий человек... — заметил хозяин.— Каждый швейцарец знает это имя, каждый слышал о подвиге русских солдат. В последние годы наши газеты много писали о революции в России, о том, как она погибла...

— Нет, не погибла!—живо воскликнул Владимир Ильич. — Разве солнце, которое скоро скроется за снежной вершиной, погибает? Завтра оно засияет снова.

Много удивительного узнали лесоруб и его жена о далёкой России, о русских людях.

Морис сидел на крыльце, слушал и стругал буктовую палку.



— Что ты мастеришь? — спросил его русский.

— Стрелу, — ответил мальчик и показал глазами на стену дома, где были развешаны луки.

Владимир Ильич снял лук, натянул тетиву и подпёр к уху. Тетива зазвенела как струна.

— Отличный лук, — похвалил гость. — Давай состязаться. Давно я не стрелял из лука. Видишь дуло в дереве? Целюсь в него.



Стрела взвизгнула, задела кору дерева и... нырнула в траву.

— Неудача, — огорчился гость. — Теперь твоя очередь.

Морис широко расставил ноги, затаил дыхание и прищурил левый глаз так, что морщинки побелели на его загорелом носу. Дзинь!—стрела вонзилась в рыхлый край дупла.

Владимир Ильич даже присел от восторга.

— Вот это меткость! Из тебя получится великолепный стрелок.

Морис видел, что русский по-настоящему обрадовался его успеху и вовсе не завидовал.

— Вы тоже метко целитесь. Если постреляете ещё, то будете попадать в цель, как Вильгельм Телль. — Правила гостеприимства требовали ободрить гостя.

— Вильгельм Телль? — Владимир Ильич хитро прищурился, словно и не слышал о нём. — А кто же это такой?

— Вы не знаете нашего Вильгельма_АТелля?! — вскричал Морис. — Кто же не знает об отличном стрелке, крестьянине Вильгельме Телле, жившем в этих местах! Телль был смел и горд. Когда его родину поработили австрийцы, он отказался кланяться шляпе австрийского императора, висевшей в парке на шесте. Об этом учитель нам *еЪ\$* в первом классе рассказывал. Австрийский герцог решил жестоко наказать дерзкого охотника и приказал ему стрелять в яблоко на голове сына. Телль метко выстрелил, стрела расколола яблоко пополам. Вместе со своим сыном Телль отправился в горы, собрал народ, и они двинулись на австрийских поработителей.

Для герцога Телль приберёт вторую стрелу и угодил прямо в его собачье сердце. Вот какой наш Телль, — заключил Морис, блестя глазами. — Он один-единственный во всём мире.

— Но это было много веков назад, Морис, а те-

перь в каждой стране есть свой Телль, — сказал русский гость.

— И в каждой стране трудовые люди восстают против своих поработителей, — заметила жена русского.

— А кто в вашей стране Телль?—спросил Морис.

— В нашей стране не один Телль, их много, — задумчиво ответила женщина. — И во всех странах их становится всё больше и больше.

Никогда ещё с Морисом не говорили как со взрослым. Обычно иностранные туристы расспрашивали его, где и что можно купить. Они покупали всё: и игрушки, и старые, почерневшие от времени колокольцы с шеи коров, и кожаные альпийские штаны. Они ввозили с собой даже альпийские луга.

Морис видел однажды, как туристы старательно вырезали куски дёрна с яркими цветами. Глупые, они не понимали, что цветы, унесённые с гор, тотчас погибнут. Чтобы альпийские цветы жили, нужно было прихватить с собой и кусок чистого голубого неба, и прозрачный воздух, и талые воды со снеговых вершин, и самую гору, на которой они росли...

Богатые туристы щедро платили за вещи, но люди их не интересовали. А разве в деньгах счастье? Человеку нужно прежде всего доброе, дружеское слово — оно ценнее денег...

Жаркое солнце коснулось снеговой вершины. В долину хлынули сумерки и холод.

Морис нехотя отправился спать. Ему снилась в

эту ночь Россия — огромная географическая карта, и на ней Суворов со своими чудо-богатырями; и Вильгельм Телль, очень похожий на русского гостя...

Когда солнце выпустило из-за гор свои первые лучи-стрелы, Морис вскочил с постели, тихо свистнул Джимма, и они умчались на утёс. Морис опоясал себя верёвкой поверх кожаных штанов.

— Ты не бойся, Джимм, — успокаивал он повизгивавшего от страха друга, — мы добудем эти цветы, обязательно добудем.

Мальчик закрепил другой конец верёвки за деревом и стал спускаться по отвесной стене утёса. Вот уже ясно виден под ногами кустик белых цветов, последний бутон разжал белые пальчики, похожие на льдинки, опушённые инеем. Ещё немного... ещё... Верёвка натянулась как тетива, а до цветка не достать. Ветер раскачивал под ногами Мориса вершины деревьев и обнажал внизу бесконечные уступы и пропасти.

Морис отнял правую руку от верёвки, ухватился за корень дерева и повис вниз головой над зелёной пучиной. Потом чуть качнулся и, приблизив лицо к цветку, откусил стебель у самого корня.

Наверху он отдышался, отвязал верёвку и впереронки с Джиммом помчался вниз, в деревню, заслоня ладонью драгоценную добычу.

Запыхавшись, влетел в дом:

— Где наши гости?

— Ушли с рассветом, — ответила мать. — А где ты пропадал? Забыл, что коров надо гнать на пастбище?

Морис кинулся из дому. Перебежал через мост, огляделся. По какой тропинке они ушли?.. Разве узнаешь?

Он вспомнил, что гость называл свою жену Надюша. Мальчик поднёс ко рту руку и закричал:

— На-дю-ша-а!

«Юша-а! Юша-а! Юша-а!» — прошелестело эхо в горах.

«А как зовут его, русского?» — стал вспоминать Морис и не мог вспомнить.

— Те-е-елль! Те-е-елль! — звал он и прислушивался.

«Эх, не знали они, какой богатый подарок я им приготовил! — подумал мальчик. — Почему они ушли так рано? И почему я сразу не сказал им, что хочу подарить эти чудесные цветы? Куда они ушли?»

Морис стоял и смотрел на звёзды эдельвейса: цветы были словно сотканы из голубоватых снежинок и опушены волосками инея.

— На-дю-ша-а! На-дю-ша-а! — кричал Морис.

«Юша-а! Юша-а! Юша-а!» — звали горы.





Вишни

Надежда Константиновна неприметно глянула на часы, дочитала фразу и закрыла книгу.

— На сегодня хватит, я устала, — сказала она.

Владимир Ильич понял: время, предписанное врачами на чтение, истекло. Он встал с кресла, подо-

шёл к окну. Моросил дождь, холодный, ноябрьский. На чёрных замшевых ветках липы дрожали прозрачные капли. По мокрой дорожке прыгали взъерошенные, сердитые воробьи. Вот их словно ветром подхватило — они стайкой взлетели и уселись на опустевшем скворечнике.

На дорожку вышли люди — впереди две женщины с накинутыми на головы капюшонами из мешковины, в высоких, зашнурованных до колен ботинках; позади — двое мужчин в кепках, в грубошёрстных пиджаках. Видно, эти люди пришли сюда впервые: остановились перед большой клумбой и раздумывают, как подойти к дому.

— Кто-то к нам приехал, — сказал Владимир Ильич.

Надежда Константиновна сошла вниз, на первый этаж.

Навстречу ей спешила Мария Ильинична.

— Глуховцы приехали к Ильичу, — тихо сказала она.

Надежда Константиновна опасливо посмотрела наверх — врачи строжайше запретили Владимиру Ильичу принимать посетителей.

А Владимир Ильич, перегнувшись через перила, уже нетерпеливо спрашивал:

— Кто приехал? Кто?

— Делегация от глуховских рабочих, Володя. Письмо тебе привезли, — откликнулась Мария Ильинична. — Сейчас принесу.

Владимир Ильич поспешно застегнул воротник косоворотки:

— Я очень прошу их подняться ко мне.

— Но врачи... — начала было Надежда Константиновна.

Да правы ли врачи? Почему они полагают, что лучшее лекарство для Ильича — не видеть людей, не чувствовать биения жизни? Эта встреча его порадует, а радость никак не может повредить здоровью.

Надежда Константиновна переглянулась с Марией Ильиничной и решительно сказала:

— Хорошо, Володя.

С глуховцами у Ильича дружба давняя, почти четверть века, и не повидать их делегатов он не может.

Вот они поднимаются по лестнице. Владимир Ильич идёт им навстречу, внимательно всматривается в лица.

Впереди — пожилая работница. Седая голова повязана красной косынкой. Одной рукой она прижимает к груди папку, другую протягивает Ильичу:

— Прядильщица я, Пелагея Холодова, — и степенно кланяется.

— Помню, помню, — улыбается Владимир Ильич.

За ней — молодая женщина с застенчивой улыбкой; лицо чуть приподнято, словно голову оттягивают тяжёлые русые косы.

— Сновальщица Клавдия Гусева.

Осторожно ступает по ковру в грубых сапогах старик, большой, крепкий, неловкий и, наверно, очень ладный в работе.

— Молотобоец Дмитрий Васильевич Кузнецов...

Молодой белозубый паренёк в синей косоворотке замыкает шествие.

— Прядильщик Герасим Козлов.

Каждому Владимир Ильич пожимает руку, каждому заглядывает в лицо и приглашает сесть.

Пелагея Холодова изо всех сил старается вспомнить все торжественные слова, которые она придунала за дорогу, и вдруг совсем просто спрашивает:

— Как здоровье-то, Владимир Ильич? Как чувствуешь себя?

— Хорошо, очень хорошо.

И это правда. Сейчас он не чувствует себя больным. У него много вопросов к этим людям, много мыслей, которыми не терпится поделиться.

— Постановление мы приняли, все двенадцать тысяч рабочих проголосовали, — продолжает Холодова, — чтобы ты берёг себя для нас, для рабочих, чтобы не переутомлялся.

— Я постараюсь, — отвечает Владимир Ильич.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна стоят в дверях соседней комнаты и видят, как добрая улыбка тронула губы Ильича.

Холодова протянула Владимиру Ильичу папку:

— Письмо мы тебе привезли от наших.

Владимир Ильич раскрыл папку, увидел большой

лист бумаги. Привычным цепким взглядом схватил написанное, чуть задержался на строчках:

«...ты нужен нам теперь, в момент развивающейся германской резолюции, как нужен ты нам во дни труда, во дни горя, во дни радости...»

— Спасибо! Большое спасибо за доверие!

— И ещё мы привезли тебе подарочек, — говорит Холодова.

Владимир Ильич нахмурился.

— Не сердись! Мы тебе вишнёвый сад привезли, — поспешил объяснить старик Кузнецов. — Перед окном твоим посадим. Зацветут вишни весной — залюбуешься. Цвет у них чистый, белый, запах свежий, для здоровья полезный. Взгляни-ка в окно!..

Владимир Ильич идёт к окну. Возле клумбы, как звено юных пионеров, расставлены восемнадцать молодых вишнёвых саженцев. Корни аккуратно обёрнуты рогожей и перевязаны красными полосками материи.

Владимир Ильич любовно смотрит на маленькие голые кустики, трепещущие на ветру, и видит их в пышном цветении...

Старик Кузнецов вглядывался в побледневшее не то от болезни, не то от волнения лицо Ильича и думал: «Дорогой ты наш человек! И в тюрьме, и в ссылке за нас маялся, и на чужбине для нас работал, о нас тосковал, и стреляли в тебя отравленными пулями, и на работе за нас надорвался...»

— Чистый белый цвет, — сказал как бы про себя Владимир Ильич. — Спасибо! Славный подарок.

И тут не выдержал старый кузнец. Шагнул вперёд, широко развёл руки и осторожно и нежно обнял Владимира Ильича.

— Я рабочий-кузнец, Владимир Ильич, мы скуём всё, намеченное тобой...

Владимир Ильич тоже обхватил Кузнецова, и они словно застыли.

Холодова кончиком косынки смахивала со щёк непрошенные слёзы...

Внизу, в большой комнате, обставленной цветами и пальмами в кадках, был накрыт стол, шумел самовар.

Мария Ильинична предложила делегатам поужинать. Но никому не хотелось есть. Мыслями все ещё были там, наверху, с Ильичём.

— Кушайте, товарищи, кушайте, — угощала Мария Ильинична, сама взволнованная до слёз. — Попробуйте грибки, их сам Ильич собирал.

На столе перед Марией Ильиничной лежала стопка газет. Наверху — «Правда». Бросались в глаза крупные заголовки: «Наступление германской буржуазии», «Голод в Германии», «Белый террор в Болгарии», «Забастовка лодзинских рабочих в Польше».

— Лютует мировая буржуазия, — кивнул Кузнецов на газеты. — Лютует. Но придёт день — будет праздник и у германского пролетариата, и у болгар, и у поляков.

— Ильич в этом убеждён, — подтвердила Мария Ильинична.

— Работать вам надо, — сказала Холодова, — мы поедем.

Мария Ильинична запротестовала:

— В такую распутицу, на ночь глядя я вас не пушу. Ночевать будете у нас. Утром и саженцы посадите.

Глуховцы переглянулись. Они были довольны: всем хотелось побыть ещё рядом с Владимиром Ильичём.

— Может, вам помощь какая нужна? Как живут сейчас глуховские рабочие? — поинтересовалась Мария Ильинична.

У рабочих в те годы было много нужд. Военная разруха ещё давала себя знать. Но ни о каких бедах своих делегаты не говорили.

— Просьба у нас одна и мечта заветная: чтобы поправлялся Ильич, чтобы здоров был.

Всю ночь делегаты не спали. Сидели и говорили шёпотом. Прислушивались. В доме было спокойно.

Утром пришла Мария Ильинична.

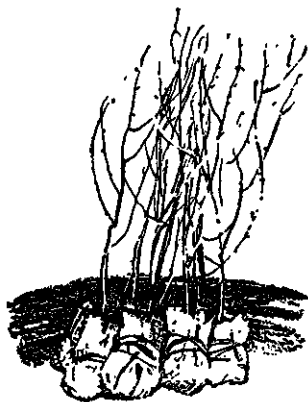
— Как спал Ильич? Спокойно ли? — был первый их вопрос.

— Хорошо спал, — ответила Мария Ильинична. — Встал в отличном настроении. Утром опять читал ваше письмо. Очень оно ему дорого.

Утро было солнечное, ясное. Мороз прикрыл лужи тонко расписанным стеклом. Ночью выпал снег,

и вишнёвые саженцы стояли словно в цвету. По веткам прыгали воробьи, и на чёрную землю белыми лепестками слетали снежинки.

Каждую весну, когда просыпается к жизни земля и прозрачная на солнце зелень окутывает поля и леса, вокруг дома с колоннами, где жил последние годы Владимир Ильич Ленин, зацветают вишнёвые деревья и, словно юные пионеры в своих белых чистых рубашках, разбегаются отсюда, из Горок Ленинских, по всей земле.



СОДЕРЖАНИЕ

Лучшая отметка	3
Кольца дружбы11
Костры19
Ястребки	45
«Мочёные яблоки»	55
Вильхо	66
Эдельвейс78
Вишни88

Д л я м л а д ш е г о ш к о л ь н о г о в о з р а с т а

Воскресенская Зоя Ивановна

К О С Т Р Ы

Ответственный редактор И. И. Прусаков. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Т. М. Страхова. Корректоры Н. А. Сафонова и Э. Н. Сизова.

Сдано в набор 16/VI 1964 г. Подп. к печ. 22/IX 1964 г. Формат 60X84 $\frac{1}{8}$. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,48 Уч.-изд. л. 3,36 Тираж 150 000 ТП 1964. № 453. Цена 22 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 921.

